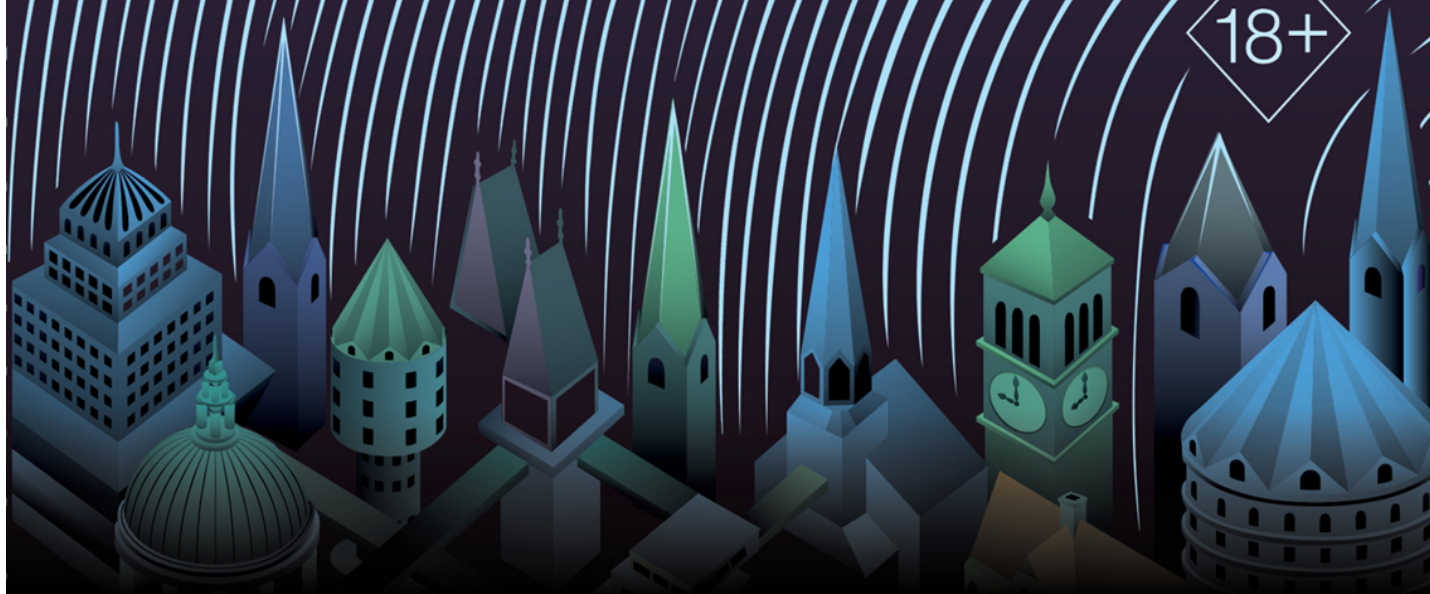

ЗДЕСЬ МЫ СТАЛИ МОНСТРАМИ

ЭТО ГИБЛОЕ МЕСТО

18+

АЛЕКСАНДРА КРИСТО

Young Adult. Коллекция фэнтези. Магия темного мира

Александра Кристо

Это гиблое место

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111.31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Кристо А.

Это гиблое место / А. Кристо — «Эксмо», 2019 — (Young Adult. Коллекция фэнтези. Магия темного мира)

ISBN 978-5-04-108799-9

Зачарованные улицы этого города стали домом для головорезов и мечтателей. Четверка мошенников знает, как обмануть и тех, и других. Тавия – уличная артистка, мечтающая оставить преступное прошлое позади. Уэсли – владелец подпольных заведений, желающий заполучить абсолютную власть. Карам – участница боев без правил, намеренная восстановить честь своего народа. Саксония – обладательница магической силы, готовая на все ради мести. Каждый из них стремительно движется к своей цели до тех пор, пока Тавия не совершает фатальную ошибку. Девушка высвобождает темную магию, которая превращает простых людей в безумцев. И теперь преступникам придется объединиться, чтобы защитить свои мечты и город, ставший их домом. Однако в мире, где правят обман и алчность, не стоит никому доверять. И прежде всего друг другу.

УДК 821.111.31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-108799-9

© Кристо А., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	24
Глава 5	27
Глава 6	34
Глава 7	39
Глава 8	45
Глава 9	52
Глава 10	56
Глава 11	60
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Александра Кристо

Это гиблое место

Для тебя, кто бы ты ни был.

*Потому что ты заслуживаешь множества миров,
но у меня есть только эта книга и сотворенная мною вселенная.*

Into the Crooked Place

Copyright © 2019 by Alexandra Christo

All rights reserved.

Jacket art © 2019 by Yehrin Tong

Jacket design by Liz Dresner

© Авдоница М.В., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Глава 1

Тавия

Тавия Сайн зарабатывала на жизнь магией. Это не всегда можно было назвать законным делом. Ее способности были слишком слабыми. Единственным способом продать ее становилось создание иллюзии силы – ловкость рук и нагромождение старомодных, ничего не значащих словес. Так повелось с самой войны – не то чтобы Тавия могла ее помнить: в те времена девушка еще и не родилась – и поэтому она почти все время слонялась по рынку, используя минимально возможное количество магии и максимально доступное число трюков. Первыми обычно расходились любовные эликсиры, поэтому Тавия старалась выставить их в первый ряд в своем «волшебном» заплечном сундучке. Это превращало ее переносной «прилавок» в разноцветную мозаику – от нежного бледно-розового оттенка до страстно пылающего алого цвета. Впрочем, последний так же сильно разбавлялся, как и первый: магия была недешевой, а Тавия не имела обыкновения торговать зельями, вызывавшими одержимость. И кроме того: если добавить в смесь немного красителя, кто об этом узнает, кроме нее самой?

Когда дело доходило до магии, имели значение только время и умение произвести нужный эффект. Быть может, цель есть цель, а деньги есть деньги. Однако существует разница в том, как ты достигаешь этой цели и получаешь эти деньги. В таком деле важно представление. А если Тавия и умела делать что-то хорошо, так это собирать народ.

– Соберитесь вокруг меня, – зазывала Тавия и продолжила немного громче и выразительнее: – Вы увидите чудеса, творимые посредством магии!

Зрители десятками стекались к ней.

В ярмарочные дни всегда бывало так. Люди клубились на рыночной площади, позвякивая содержимым карманов. Они останавливались на брусчатой мостовой, чтобы поглазеть на товары или на выступление фокусника. Это была законная сторона работы Тавии. Ее смотрящий – он же Уэсли Торнтон Уолкотт, он же полный мерзавец, поддерживал эту законность, потому что хотел хотя бы время от времени выглядеть чистеньким перед властями.

А не вымаранным в крови с ног до головы.

– Прямо со священной земли Рениаль, непосредственно из рук ясновидящей. – Тавия текучим жестом покрутила в руках шар для предсказаний. – Дамы и господа, я покажу вам истинную силу предвидения.

Она осторожно подула на фитиль ближайшей свечи с пряным ароматом – и на нем вспыхнул язычок пламени. Это было идеальное сопровождение для любых историй о Рениале. Его магия, как говорили, являлась даром, полученным от самого Непостижимого Бога. Это, конечно же, было абсолютной ерундой. Но ерунда и есть главный товар Тавии.

Если хочешь найти на магическом рынке толпу зевак, то собери ее вокруг себя. А самым действенным способом для этого было, конечно же, завлечение зрителей фальшивой магией.

Тавия переложила гадальный шар из руки в руку так аккуратно, словно он был хрупким и священным. На самом деле девушка соорудила его сама вместе с этим мерзавцем-смотрящим под влиянием несметного числа талисманов грез. Хотя, надо сказать, это было сделано еще до того, как Уэсли получил должность смотрящего – а значит до того, как он на самом деле стал мерзавцем.

– Полагаю, у тебя есть доказательства законности твоей магии? – спросил какой-то скептик в толпе.

Он с недоверием взирал на нее. Однако Тавия не только привыкла к подобным взглядам – она почти была рада им. В конце концов, девушка освоила множество магических трюков. Иногда главным вызовом для нее становилось убедить неверующих, превратив ту слабенькую

магию, которую позволял закон, в нечто более великое. В нечто чудесное – если свет упадет на ее руки под нужным углом.

Быть может, Тавия и не являлась мастером, способным создавать новую магию из воздуха. Но это не означало, что девушка не могла создать кое-что другое – ощущение чуда и восторга у зрителей.

– Я с удовольствием продемонстрирую их вам, – ответила Тавия, чуть приподнимая шляпу, чтобы выразить скептику свое почтение.

Он продолжал смотреть на нее с сомнением. В улыбке мужчины читался одновременно вызов и приглашение доказать его неправоту, к которому примешивалась капля надежды на то, что так оно и окажется.

Тавия с готовностью приняла это приглашение, поскольку ей очень нравилась сама магия, хотя работа на короля преступного мира была совсем не по душе.

В былые времена, когда она была просто уличной девчонкой, пытающейся освоить ремесло фокусника, Тавия даже не думала, что когда-нибудь начнет зарабатывать магией. Магия казалась чепухой, сказкой с непонятным сюжетом. Но прошло время – дни, недели и месяцы, – прежде чем Тавия наконец осознала: магия совсем не похожа на сказку.

Она напоминает математику.

Магия похожа на сложные игры в «ладошки», в которые Тавия играла с другими детьми, чтобы отогнать навязчивое чувство голода. Сначала это кажется сложным, но нужно лишь заучить ритм и понять формулу.

После этого быстро приходит и все остальное.

После этого все становится почти забавой.

Теперь для Тавии магия сделалась естественной, а сама девушка стала лучшей фокусницей во всем Крейдже. В городе, который был одновременно ее тюрьмой и ее сценой. И если этот человек хочет увидеть представление, девушка с радостью покажет ему.

Ее заученные действия были безупречны.

Тавия знала это, потому что проделывала их сотни раз. Сначала она поводила рукой над шаром, ловким движением мизинца сдвинув хитрый переключатель. Тот заставлял шар сиять чуть ярче. Потом девушка приготовила все для левитации шара, задействовав спрятанное в рукаве ветряное устройство.

Свободной рукой Тавия выразительно взмахнула вверх-вниз, а затем быстрым жестом свела запястья вместе. Ветряная монетка подлетела под шар и идеально слилась с ним, незримая постороннему глазу. Шар поднялся в воздух. Зрители указывали на него, ахали и смеялись. В это время Тавия преувеличенно-выразительными движениями заставляла шар опускаться и подниматься снова, вращаться вокруг оси и покачиваться из стороны в сторону.

Механика, куда более впечатляющая, чем слабенькая гадательная магия, что таится внутри.

– Предскажи нам будущее! – воскликнул кто-то.

– Сделай предсказание! – подхватил другой.

Тавия ухмыльнулась.

«Все, что угодно клиентам», – подумала она, ловко запуская пальцы в карман и добывая предсказательный талисман. Девушка незаметно сжала в ладонях шарик, содержащий не вполне законную магию, стараясь не открыть этого ни зрителям, ни затесавшимся в толпу стражникам. Фокусница позволила его силе впитаться в ее кожу. Тавия возложила ладони на верхушку шара, вливая в него эту магию. Шар засиял ярко-зеленым светом. Толпа ахнула, отпрянув прочь.

Шар завертелся под руками Тавии. Сложные механизмы, которые она и Уэсли вложили в предмет, активизировались. В шаре таилось множество загадок. Хотя она не помнила, сколько именно – казалось, девушка и Уэсли создавали что-то вместе целую вечность назад, – Тавия

знала их наизусть. Она распознала бы эти загадки в любом виде: глупые пословицы и смутные предсказания относительно грядущего дня. Все это Уэсли почему-то считал забавным. Это раздражало.

Но на этот раз загадка оказалась незнакомой. Слова звучали тихо, непонятно. Они вызвали у Тавии жутковатое ощущение при попытке расшифровать их. Чувство это было таким сильным, что она потеряла всякое желание озвучивать загадку вслух. Однако в этот момент шар вырвался из ее рук и взлетел в воздух. Ветер негромко загудел, формируя слова.

Из слов складывалась странная песня:

*Время проносят руки чужие
Через весь мир, через земли иные.
Все сотворенное сгинет бесследно,
Битва разгромная станет победной.
Полночь в предательстве детском поет —
Каждый успех поражение ждет.*

Тавия в панике заставила шар опуститься. Ветер рассеялся.

Девушка не знала, что это было, во имя Огневрат, но этого они с Уэсли определенно не закладывали в шар. Не важно, под влиянием скольких талисманов грез фокусники пребывали; не важно, какое ощущение могущества и беспредельности вызывали у них пустые флаконы из-под эликсиров под рукой и лунный свет на лицах – они ни за что не сочинили бы нечто столь странное.

Их загадки скорее походили на шутки. Те, кто слышал эти творения, должны были находить их забавными.

А сейчас Тавии совершенно не хотелось смеяться.

Но несмотря на странность этого предсказания, зрители оказались в восторге. Они впали в буйство: выхватывали из карманов монеты и совали их под нос Тавии, словно предлагая на них определить достоинство этих монет.

Девушка сглотнула, отгоняя странное чувство после этой магии. Во рту горчило, словно Тавия жевала листья клевера.

Не важно, чем была эта загадка – она все равно оказалась достаточно подходящей нелепицей. Тавия не удивилась бы, если бы оказалось, что Уэсли вложил что-то в шар тайком от фокусницы. Он был мастером тайн и больше всего любил делать что-то, не говоря никому. Сейчас имело значение лишь то, что представление оказалось успешным.

Тавия сверилась с часами и вздохнула.

Близился час, когда ветер подует в другую сторону. На улицы выйдут фанатичные служители закона, выискивая фокусников, чья магия была достаточно черной, чтобы испачкать их кожу.

Другими словами, Тавии пора отправляться в Кривду.

Пора браться за настоящую работу.

* * *

Кривда называлась так потому, что была полна всего несправедного – подобно большей части города. И самым отвратительным из этого был Уэсли Торнтон Уолкотт – смотрящий Тавии. По роду занятий он наиболее близок к тому, что в Крейдже можно назвать «бандитом». Уэсли в одиночку превратил Кривду в самое доходное развлекательное заведение в стране: причем забавы предлагались как явные, так и тайные. Старая часовая башня на речном берегу возле моста, который делил город на две половины – на красивые кварталы, где бродили тури-

сты, и убогие улицы, где обитали бедняки, – превратилась в бойцовский клуб. Он служил своего рода центром Крейдже. Здесь собирались все, кого интересовали незаконные зрелища. И благодаря Уэсли этих зрелищ было в избытке.

Тавия окинула взглядом очередь посетителей. Она тянулась к дверям от дальних переулков. Девушка плотнее запахнула куртку, чувствуя, как крепчает ветер. Обледеневшие кончики черных волос скользнули по ее подбородку, когда она вглядывалась в ночное небо.

В Крейдже стояла зима. Это означало, что дни были короткими, а ночи длинными. С наступлением темноты появлялось Вечносияние. Цветная сеть расстилалась по небу, подобно причудливому занавесу. Тьму озаряли зеленые и розовые вспышки. Так бывало каждую ночь во вторую половину года. Даже местные жители выглядывали в окна, чтобы застать небесную феерию. В воздухе разливалась магия. Она витала между звездами и покалывала кончики пальцев прохожих.

Тавия направилась к дверям в клуб Уэсли.

Она не любила приходить в Кривду по воскресеньям. В этот день двери охраняла Карам Тальвар – одна из тех людей, которые предпочитают темноту дневному свету.

Карам была родом из Ренияля, из города Гранка, стоящего на пяти реках. Туда стекались люди из всех земель, стремясь обучиться магии и считая ее чем-то вроде священного искусства. Однако в Карам не наблюдалось ни капли святости. Костяшки ее кулаков постоянно были разбиты, а под левым глазом неизменно красовался синяк.

При виде Тавии Карам что-то проворчала: это вполне можно было принять за приветствие.

– Карам, – произнесла Тавия, стараясь не обращать внимания на запах мяты – любимой жвачки престолярства, – исходящий от одежды охранницы. – Вижу, дела у тебя идут неплохо.

– Что тебе тут надо? – отозвалась та с сильным гранкийским акцентом.

«Как всегда, мила и обаятельна».

– Разве ты не рада видеть меня? – спросила Тавия.

Карам бросила на нее убийственный взгляд – чересчур недружелюбный.

Она всегда выглядела крайне опасной – прямые волосы до локтей, казалось, готовы были порезать кожу своими жесткими кончиками. Густые брови нависали над большими золотистыми глазами. Одежды Карам были украшены вышивкой, которая ярко выделялась в ночном сумраке даже при слабом лунном свете. Тавия часто гадала, как охранница ухитряется в таком наряде давать отпор буйным посетителям. Однако драться Карам умела лучше всего.

Как и злобно смотреть исподлобья.

Карам жестом велела Тавии проходить внутрь.

– Чтоб ты знала – когда болтаешь, ты становишься уродиной, – хмыкнула она.

– Ты мне льстишь, – отозвалась Тавия и подмигнула. Может быть, Карам и являлась убийцей, совершенно не умевшей вести себя с людьми, однако при этом она была довольно красива.

Тавия шагнула через порог в Кривду. Сейчас фокусница была не в настроении для дешевых фокусов и еще более дешевой выпивки. Тем не менее веселье в башне было в полном разгаре. Кругом мерцали цветные огни. Тавия буквально ощущала в воздухе вкус магии. Музыка проникала повсюду, словно зараза, витая над бойцами и зрителями, которые делали ставки на победителей.

Тавия прошла мимо бойцов и посетителей в воздушных шелках – каждый старался подыскать местечко получше, чтобы одновременно видеть бой и не рисковать случайно получить по лицу.

Отодвинув занавес в дальнем конце зала, Тавия прижала руку к неприметной пластине из черного стекла. Девушка позволила магическому устройству опознать рисунок ее ладони – личность фокусницы и ее намерения.

Стекло произвело считывание. Дверь скользнула вбок. По ту сторону проема стоял смотрящий Тавии, держа в руке букет четырехлистного клевера.

Уэсли Торнтону Уолкотту было всего девятнадцать лет. Несмотря на это, парень уже создал себе репутацию, заставлявшую людей думать, будто он так и появился на свет в деловом костюме с галстуком и подтяжками. Тавия понимала, что это не так. Но она знала, что по четным дням Уэсли действительно носит костюм-тройку, а по нечетным еще и повязывает галстук.

Она не могла понять, каким образом король преступного мира отсчитывает четные и нечетные дни – на улицах Крейдже все дни выглядели одинаково неприятными. Но Уэсли назначил себе такой распорядок и придерживался его, потому что любил, чтобы все следовало его решениям.

– Тавия, – произнес парень и улыбнулся, отчего на одной его щеке появилась ямочка. Однако от этого его улыбка стала еще более холодной. – Пойдем, бой как раз начинается.

Уэсли прошел мимо фокусницы, направляясь к бойцовскому кругу. Тавия неохотно последовала за ним.

Зрители привычно уступали дорогу Уэсли. Когда он подошел к паре диванчиков, огражденных золотистыми цепями, полдюжины его подручных окружили эту часть зала, оттеснив прочих зрителей подальше.

Быть может, это сделали для того, чтобы никто не услышал беседы Уэсли с Тавией. Возможно, подручные смотрящего просто знали: Уэсли не очень любит людей.

Зрители кричали и махали бойцам билетами со ставками. Уэсли глядел на них: он казался слишком юным для человека, который проложил дорогу к своей должности посредством убийств и предательств. Его исчерна-каштановые волосы были безупречно уложены. Кожа у парня казалась смуглой, почти темно-коричневой. На горбатой переносице сидели зеркальные очки.

– Садись, – велел Уэсли.

Тавия не села. Она несколько мгновений наслаждалась тем, насколько идиотски Уэсли выглядит в этих очках.

Однако веселье девушки оказалось коротким. Едва увидев на ее губах ехидную улыбку, которую Тавия переняла у него, криминальный лидер снял очки. За ними скрывались глаза – черные, словно могильные ямы.

– Я пришла только для того, чтобы прихватить еще немного магии, – пояснила Тавия. – Так что, если хочешь поговорить, давай быстрее. Мое время – твои деньги.

Уэсли сунул в рот стебелек четырехлистного клевера – эта привычка осталась у него с детства.

– Я хочу поговорить с тобой о новом эликсире от Главы, – промолвил Уэсли. – Этот эликсир у тебя уже пару недель, а ты все еще не отчиталась о продажах.

При мысли о странных магических флаконах, все еще лежащих нетронутыми на самом дне ее сундучка, по спине Тавии пробежали мурашки. Всякий раз, когда она бросала взгляд на так называемый «эликсир счастья», в животе у девушки что-то сжималось. Это было странно, учитывая, какую магию она обычно продавала без малейших проблем. Поэтому Тавия просто перестала вообще смотреть на эти флаконы, спрятав их под множеством других волшебных зелий.

– Я работаю над увеличением продаж, – отозвалась Тавия, понимая, как это неубедительно звучит.

Уэсли вообще было трудно убедить. Даже когда Тавия выжимала из себя все очарование, а тем более – когда так открыто лгала.

– Ты знаешь, насколько это важно, – заметил он. – Мы уже стали магическим центром всей Усхании. Однако если мы добьемся успеха на следующей стадии, то сможем протянуть

ниточки и к другим странам. Я рискнул, назвав тебя самой лучшей фокусницей, способной вывести это зелье на рынок. Не заставляй меня жалеть об этом. Оно может принести нам обоим кучу денег.

Тавия засмеялась – и не потому, что у Уэсли уже насчитывалось куда больше денег, чем ему требовалось на жизнь.

Все в Крейдже желали разбогатеть и были готовы ради этого даже убивать. Чем больше у человека денег, тем сильнее он желал увеличить свое богатство. Больше и больше. В итоге на самый верх поднимались такие, как Уэсли Торнтон Уолкотт в костюме-тройке и с полным чемоданом магии.

Но Тавия не хотела становиться богатой.

Уличные ребята шли в фокусники потому, что им требовалось выжить – и Тавия всегда более всего интересовалась именно выживанием. Богатство же было лишь одним из возможных побочных следствий этого.

– Я польщена, что именно меня ты вспоминаешь, когда речь идет о том, чтобы кого-нибудь надуть.

– Не помню, чтобы я упоминал об этом как о надувательстве.

Тавия едва удержалась от того, чтобы закатить глаза.

– Уэсли, я не ребенок. Я знаю, что никакой «новой магии» не существует. Мастеров больше не осталось – об этом позаботилась Война Эпох. Если собираешься кормить меня сказками, придумай хотя бы что-нибудь поинтереснее.

Уэсли только пожал плечами – другого ответа от него вряд ли можно было ожидать.

– Тогда давай назовем это просто чем-то старым и найденным заново, – предложил юноша. – Как бы то ни было, в твоих интересах продвигать это.

– И почему же?

– Потому что это уменьшит твой жизненный долг и принесет тебе достаточно денег, чтобы ты могла навсегда покинуть Крейдже.

Тавия ошетичилась.

Как и все остальные фокусники в Усхании, она была в жизненном долгу перед Главой. Он спасал ребятшек с улиц, а те в обмен отдавали ему свое детство – потому что дети становились лучшими мошенниками, способными уговорить кого угодно на что угодно.

Миловидные детишки со смертоносной магией.

Когда фокуснику исполнялось восемнадцать лет, он становился взрослым и перерастал детский долг. Тогда ему предлагали на выбор два варианта: уехать и никогда не возвращаться – или же воспользоваться всеми полученными знаниями и сделать преступную карьеру, накапливая богатство.

Большинство фокусников выбирали второе. Однако Тавия считала дни до того момента, когда сможет покончить со всем этим.

Оставалось еще семь месяцев.

Она уже провела шесть лет под рукой Главы, не по своей воле делая для него грязную работу, чтобы не умереть с голоду. Вынужденная плясать, когда ей велят, и разрушать жизни по указке властолюбивого мерзавца. Девушка не имела права творить магию по своему желанию. Она была заперта в городе, где умерла ее мать. Тавия не могла уехать отсюда и посмотреть чудеса, которые, несомненно, существовали на других землях.

Насколько Тавия понимала, она была лишь послушной марионеткой в руках Главы – возможно, чуть больше, чем просто марионеткой. Но и только.

– Это не смешно, – бросила она. – Нельзя вот так взять и аннулировать жизненный долг перед Данте Эшвудом.

Зрители ахнули, когда один из бойцов упал к их ногам.

– Это не шутка, – сказал Уэсли, хотя в его голосе не слышалось уверенности. – Консортесса Главы сказала мне, что с каждым проданным тобою флаконом твой жизненный долг уменьшается на один день. Но удостоверься, что продаешь их сносным клиентам, ясно? Людям, которые смогут позволить себе купить их, когда мы открыто выведем это зелье на рынок.

– Значит, не просто годным, – уточнила Тавия, – а богатым.

– Разве я не это сказал?

Тавия подавила желание наградить юношу злобным взглядом.

В Крейдже насчитывалось много богатых людей. Тем не менее в нынешние времена большинство из них были либо наивными романтиками, либо приезжими, которые сходили с плавающих поездов, сохраняя в сердцах жажду нового, а в головах – идеалистические воззрения. Крейдже притягивал романтиков. Тавия достаточно часто обманывала таких людей – и сейчас ей казалось, что хватит паразитировать на этих мечтах.

Хотя если бы девушка сказала об этом Уэсли, тот рассмеялся бы и ответил, что деньги есть деньги, а чего-то столь сложного, как невинность, не существует. Но все равно Тавия решила: лучший способ выжить после ухода из Крейдже – что было совсем иначе, нежели выживать в Крейдже, – это сохранить хотя бы те остатки морали, которые возможно сберечь.

– Люди десятилетиями пытались разлить счастье по бутылкам, – заметила Тавия. – И ты не сказал, что именно в этой разновидности такого уж замечательного.

– Не пытайся чинить то, что не сломано, – хмыкнул Уэсли. Тавия бросила на него многозначительный взгляд.

– В этой стране нет ничего, что не оказалось бы сломано. Включая людей.

Фокусница предполагала, что это относится и к ней тоже. В конце концов, фокусники отнюдь не являли собой пример счастливого детства.

Уэсли молчал несколько секунд. Тавия ожидала, что он велит выкинуть девушку прочь. За все эти «мудрые речи» в таком месте, как Кривда. Перед лицом здешнего смотрящего – в то время как в круге позади нее два человека лупили друг друга кулаками и магией. А еще Тавия предполагала, что криминальный лидер взглядом скажет ей: иногда она серьезна не в меру, а все остальное время – серьезна недостаточно.

Но вместо этого Уэсли сунул в рот еще один стебелек клевера и сосредоточился на драке.

Юноша больше не смотрел на Тавию.

– Если это все, – подытожил он, – можешь выметаться.

Глава 2

Тавия

– Ты мошенница, – заявила Саксони, швырнув в Тавию небольшим мешочком. Тавия поймала его и ухмыльнулась. Мешочек был слегка обуглен по краям. От него исходил характерный древесный запах огненной магии. Неплохой выигрыш для одного дня.

– А ты жалкая неудачница, – парировала Тавия. Саксони в ответ показала ей средний палец. Его фалангу обвивало кольцо с узором из листьев. Яркие цепочки-лозы тянулись от него к запястью. Это было великолепное украшение: в равной степени изящное и смертоносное – как большинство вещей в этой стране.

Тавия подбросила в воздух свой только что выигранный огненный талисман. Всякий раз, когда мешочек падал ей в ладонь, магия в нем издавала тихий перезвон. Они с Саксони вот уже полчаса делали беспорядочные ставки. На счету у Тавии было на три победы больше, чем у подруги.

– Победа – сладкая штука, – произнесла Тавия. – Хорошего понемножку.

– Здесь вообще нет ничего хорошего, – с некоторой неохотой отозвалась Саксони, – вот почему меня злит, когда я проигрываю.

Она горестно вздохнула и откинула голову, прислонившись затылком к стене храма. Черные кудри разметались по кирпичной кладке. Они переплетались нитями с подвешенными к ним золотыми монетами – последняя мода в Ришии, откуда Саксони была родом. Тавия фыркнула и прислонилась к кирпичной стене рядом с нею. Шершавая поверхность царапнула куртку.

Больше всего Тавии нравилось, когда день заканчивался вот так – рядом с другом, а не с врагом, как это часто бывало. В такие дни Крейдже источал запах магии и бесконечности. Когда Тавия устанавливала свой переносной прилавок на магическом рынке, в ее груди зарождалось странное веселье. Суэта и блеск Крейдже касались ее кожи, подобно ветру. Закрыв глаза, девушка могла услышать журчание городских потоков.

Тавии нравилось, что это журчание звучало не слишком тихо и не чересчур громко. Была некая красота в этих водных потоках, которые пронизывали город, став путями для плавающих поездов. Огромная рыночная площадь была окружена дорожками, соединявшими между собой части города. Эти дорожки образовывали великолепный лабиринт. Фокусники выступали на фоне ярких картин, нарисованных кем-то на стенах зданий.

Если бы не тот факт, что Тавия была вынуждена оставаться здесь, в этом городе, она сочла бы это все невероятно чудесным.

– Не делай ставки, если не можешь выиграть, – сказала Тавия. – Похоже, я почти полностью выпотрошила тебя.

Саксони сунула руки в карманы – Тавия предположила, что только так подруга смогла удержаться от очередного неприличного жеста.

– Еще один круг, – предложила Саксони, – и победитель забирает все.

Тавия засмеялась:

– Я пас.

– *Суги*, – произнесла Саксони. Насколько было известно Тавии, на ришійском жаргоне это означало «трусиха». Она ткнула подругу локтем в ребра.

– И нечего на меня ругаться, ты не у себя на ферме. Я не боюсь, просто у меня дела.

Тавия указала на небо: солнце стояло уже совсем низко. Близилась ночь. Над городскими крышами начинали сгущаться облака – значит, луны сегодня не будет видно.

Крейдже был городом контрастов. После дня, полного чудес, наступала ночь – и город с готовностью встречал темноту и все зло, таящееся в ней.

– У всех дела, – парировала Саксони. – Всем нужно делать свою работу.

– И тебе тоже, – подтвердила Тавия. – Если только ты не хочешь войти в кабинет смотрящего, поглядеть ему прямо в глаза и подать прошение об отставке.

Саксони фыркнула:

– Если я когда-нибудь посмотрю Уэсли в глаза, можешь считать меня сумасшедшей.

– Боишься сойти с ума, влюбившись в его невинные карие глазки?

– Я боюсь того, что могу увидеть в них, – ответила Саксони. – Разве ты не слышала, что глаза – окна души?

Тавия оттолкнулась от стены и одарила Саксони улыбкой, в которую вложила все ехидство, на какое была способна.

– У Уэсли Торнтон Уолкотта нет души, – заявила фокусница.

– Кстати, о работе. – Саксони беспокойно качнула головой, указывая куда-то в сторону. – Твой первый вечерний покупатель.

Проследив за ее взглядом, Тавия увидела человека. Тот стоял у подножия храмовой лестницы. Его лицо оставалось в тени огромного цилиндра – так, что на виду были только усы. Однако Тавия отметила покрой его костюма и то, как гордо этот человек выпятил широкую грудь: как будто надменная поза для него привычна. Тавия могла возненавидеть человека и за меньшее, чем подобная надменность.

Она оглянулась на Саксони и махнула рукой.

– Долг зовет.

Саксони даже не улыбнулась подруге в ответ.

Она всегда питала живой интерес к магии и, похоже, любила ее не меньше, чем Тавия. Однако девушке было противно видеть, как эту магию продают на улицах – предлагая в равной степени отчаявшимся, подлым, недалеким...

– Мне нужно немного удачи, – сказал Тавии странный человек, едва фокусница приблизилась к нему. Затем незнакомец протянул горсть монет.

– Это рыночная магия. – Тавия была удивлена невинности его запроса. – Приходите, когда будет светло.

– Не доброй удачи. – Мужчина оглянулся через плечо, проверяя, не прячется ли кто-нибудь в темноте. Он явно не привык находиться по эту сторону черты законности. – Я знаю кое-кого, кому нужно преподать хороший урок.

Удивление Тавии угасло вместе с ее улыбкой.

«Значит, его требования не так уж невинны».

Возможно, невинности действительно не существует. Уэсли как-то сказал ей – точнее, твердил об этом постоянно, – что власть и сила способны совратить любого.

«Хороших людей не бывает, – объяснял он. – Бывают только те, кто еще не сделал неправильный выбор».

Тавия терпеть не могла, когда Уэсли оказывался прав.

– У меня осталось два флакона, – отозвалась она, понизив голос, хотя возле заброшенного храма их вряд ли кто-то мог подслушать. Кроме богов – быть может. – Цена – все, что у вас в руке.

Человек приоткрыл рот.

– За два флакона? А нельзя ли сбавить цену?

– Конечно, – с готовностью согласилась Тавия. – Вы даете мне половину, и я отдаю вам один флакон.

Мужчина фыркнул, но руку не убрал.

Тавия полезла в свой сундучок. Там хранились темные зелья и талисманы, которые нельзя было купить на магическом рынке: от семян, являющих несокрушимые клинки, до кукол вуду с булавками в комплекте. Некоторые виды магии даже не применялись на практике: их собирали и ставили на полки напоказ ценителям подобных редкостей.

Магия, созданная для сбора пыли, предназначенная для хранения в резных шкафах со стеклянными дверцами, – слишком ценная, чтобы пытаться использовать ее.

В темноте Тавии приходилось при выборе магии полагаться скорее на осязание, чем на зрение: разная форма флаконов, различная резьба на талисманах. Одни волшебные порошки под пальцами казались похожими на воду. Другие же были колючими и острыми.

Когда она протянула флакон с удачей покупателю, тот взболтнул жидкость, чтобы проверить качество. Это было несколько странно – ведь чем хуже была злая удача, тем лучше она действовала. Вот что случается, когда достаточно долго гноишь клевер. В этом и заключался смысл.

– Не боишься, что тебя поймают со всем этим? – спросил мужчина. – Дуайенна Фенна Шульце просто жаждет набить тюрьмы такими, как ты.

Тавия сделала вдох. Ей следовало понять: этот человек работает на правительство. Такие усы носят только те, кто замешан в политике.

– Наша бесстрашная правительница борется с преступными элементами, – ответила она, лучась поддельной невинностью. – А я в высшей степени законопослушна.

Хотя Тавия умела нести подобную чушь лучше, чем многие товарищи, даже ей было трудно заставить кого-то поверить в это. Все знали, что по ночам фокусники не делали ничего хорошего. Со времени своего избрания Фенна Шульце рьяно взялась доказывать это.

Тавия в каком-то смысле была на ее стороне. Возможно, когда дуайенна выполнит свою задачу, детей больше не будут забирать с улиц и учить преступному ремеслу.

– Вас еще что-нибудь интересует? – поинтересовалась Тавия. Ее пальцы нащупали в уголке сундучка новый эликсир. Девушку охватил непонятный страх.

«Счастье», – сказал Уэсли. Обещание криминального лидера эхом отозвалось в памяти Тавии. Ее долг жизни уменьшается на один день с каждым проданным флаконом этого зелья.

Как только Тавия будет свободна, она покинет Крейдж и оставит все это позади. Не важно, найдется ли у девушки в кармане хоть одна монета. Она начнет путешествовать по разным странам и приносить обеты богам, имен которых еще не знает. Будет плавать по морю Оннела, бросая якорь лишь для того, чтобы ощутить под ногами твердую почву. Отправится в Воло, родную страну матери, найдет город Гила, где та родилась, и, может быть, отыщет родных. Или встретит иную цель в жизни.

Тавия вытащила флакон. Он казался маслянисто-скользким. Фокуснице хотелось никогда больше не прикасаться к нему.

– Я получил все, чего хотел, – отозвался мужчина. – Разве что ты предложишь саму себя. Тавия сжала зубы.

Обычно девушка спокойно относилась ко всему, чем ее награждали покупатели – к деньгам, к брани, даже к пинкам, – но мысль о том, что ее могут продать и купить, что фокусница будет переходить из рук в руки, словно магический талисман или какая-нибудь другая вещь из тех, которые любят собирать богатые люди... это было совсем другое. Потому что Тавия пока что не принадлежала даже себе самой. Она была не такой, как стоящий перед ней человек в дорогом костюме с тонкими, изящно подстриженными усами. У мужчины имелось достаточно денег и свободы, чтобы отправиться туда, куда он пожелает; чтобы обращаться с людьми так, как ему угодно. И поэтому незнакомец считал себя лучше Тавии. Полагал, что она – лишь обычная мелкая преступница, которая будет вечно торговать талисманами.

Тавия стиснула флакон в пальцах.

– Этот эликсир – последняя новинка, поступившая в продажу, – сообщила она, придав лицу выражение абсолютной уверенности.

Как там любит говорить Уэсли?

«Покупатель всегда прав».

Не считая, конечно, нынешнего случая – когда покупатель явный мерзавец. Тавия надеялась, что у этой магии есть какие-нибудь ужасные побочные эффекты.

– Он может воплотить в жизнь все ваши фантазии, – продолжила Тавия. – Можно считать его средством для осуществления желаний. Для исполнения мечт.

Она встряхнула флакон. Магия замерцала фиолетовым светом. Зелье казалось более легким, чем любой другой эликсир, который она когда-либо держала в руках – будто если вынуть пробку, оно просто растечется по воздуху.

В глазах мужчины промелькнула жадность. Высокомерная наглость сменилась интересом, на котором Тавия вполне могла сыграть. Это у нее получалось лучше всего – лгать и убеждать людей. Цеплять их на крючок темной магии и молиться Сонму Богов, чтобы это не обернулось против самой фокусницы. Молиться, чтобы мать простила за то, что Тавия оскверняет ее память.

– Вы первый обладатель этого зелья во всех четырех странах, – сказала Тавия. Не в силах устоять, мужчина протянул еще одну монету.

– Этого хватит?

Тавия кивнула. Едва флакон оказался у незнакомца в руках, он унесся прочь, словно муха, испугавшись, что девушка передумает. Тавия едва не фыркнула вслед исчезающему в темноте силуэту и всей душой надеялась, что от этой магии у него наступит небывалое похмелье.

– Что это было? – поинтересовалась Саксони. Тавия отвела взгляд. Она не сказала Саксони о сделке по уменьшению ее жизненного долга. А если бы и сказала, Саксони, несомненно, выбрала бы подругу за то, что та поверила Уэсли.

– Кое-какая новая магия от смотрящего, – только и ответила Тавия.

– Новая магия? – переспросила Саксони, вздернув брови.

– Другая магия, – поправила себя Тавия, потому что обе знали: первое попросту невозможно.

– Ты странно себя ведешь. – Саксони заглянула в сундучок Тавии. – Что это такое на самом деле?

– То, что они хотели бы получить.

Саксони пристально посмотрела на нее. Тавия только пожала плечами.

– Оно безвредно. Уэсли сказал, что его можно считать просто счастьем.

Хотя Тавия подозревала, что в этом кроется нечто большее, однако старалась не беспокоиться лишний раз. В Крейдже беспокойство о том, что тебя не касалось, не приводило ни к чему хорошему. Чем больше такой магии Тавия продаст, тем быстрее она сможет сбежать – и девушке уже никогда не придется думать об этом.

Саксони протянула руку:

– Дай мне.

Вздохнув, Тавия вытащила из сундучка еще один флакон.

Саксони всегда интриговала магия Тавии – особенно та, которую фокусница продавала после заката, – и Тавия уже привыкла к бесконечным вопросам подруги. Честно говоря, иногда ей нравилось изображать библиотеку магических знаний: давать Саксони ответы и пояснения – как будто девушка не торговала магией, а занималась ею по зову души.

– Смотрящий сказал, что она *новая* или *другая*? – спросила Саксони. – Какое именно слово он употребил?

Тавия выгнула брови.

– С каких это пор тебя заботит, что именно сказал Уэсли?

Саксони изучала зелье, покачивая флакон из стороны в сторону и глядя, как в нем клубится магия.

– Он сказал, что оно опасно?

– Только то, что зелье приспосабливается к клиенту. Ничего определенного я не услышала. Ты же знаешь, как Уэсли любит темнить. Он просто велел мне продавать это.

Саксони кивнула, презрительно скривив верхнюю губу.

– Смотрящий любит хорошие секреты.

– И плохие тоже, – добавила Тавия.

– Но новая магия... – пробормотала Саксони. – Полагаю, есть лишь один способ узнать.

И она откупорила пробку.

Тавия побледнела.

Продать странное зелье чужому человеку – это одно. Однако девушка не доверяла Главе настолько, чтобы угощать его товаром тех, кто был ей дорог.

– Саксони, не надо! – воскликнула Тавия, протянув руку за эликсиром.

Но не успела она сказать больше ни слова, как Саксони поднесла флакон к губам и запрокинула голову.

И за несколько мгновений выпила все до дна.

Потом флакон упал на каменный пол. Саксони моргнула. Последняя искра магии все еще блестела у нее на губах.

– Ты в порядке? – в панике спросила Тавия.

Саксони сглотнула. Голова ее мотнулась из стороны в сторону. Глаза забегали. Потом зрачки расширились, превратившись в черные дыры. Подруга слегка отклонилась назад – не так, будто намеревалась упасть, а так, словно ей казалось, что мир вокруг накренился, и девушка решила последовать его движению.

– Все хорошо, – ответила Саксони. Сказано это было четко и осмысленно. Ришийский акцент почти исчез из ее речи.

Тавия похолодела.

Во взгляде Саксони, в самих ее глазах, появилась некая пустота. Эта пустота расплзалась по лицу девушки, а потом по остальному ее телу, делая каждую его частицу неподвижной и невыразительной. Осталась лишь улыбка – половинчатая и призрачная.

– Ты уверена, что с тобой все хорошо? – переспросила Тавия.

– Я чувствую себя хорошо, – сказала Саксони. – Разве я выгляжу плохо?

Тавия не знала, что на это ответить.

– Хотя теперь, когда ты об этом упомянула... – Саксони прижала ладонь к виску. – Мне кажется, что кто-то...

Она пошатнулась. Потом схватилась за затылок.

Тавии сразу же пришла на ум марионетка, которой двигает неумелый артист.

– Слишком громко! – закричала Саксони. Не успела Тавия моргнуть, как в руках подруги оказался амулет. Тавия не знала никого, кроме Уэсли, кто был бы способен двигаться так быстро.

– Саксони! – Тавия огляделась по сторонам, чтобы убедиться: поблизости никого нет. – Если миротражники застигнут нас за применением темной магии, то нам конец!

Но Саксони не слушала. Она дрожащими руками поднесла амулет к виску.

– Я слишком громкая, – произнесла Саксони, потом поправила себя: – Она слишком громкая.

Девушка сглотнула. Свет ближайшего уличного фонаря замерцал в такт ее дыханию, отбрасывая неверные отсветы на лицо, сморщившееся в болезненной гримасе. В ночи веснушки Саксони напоминали брызги крови.

– У меня в голове кто-то есть, – сказала она, зажмурившись.

А когда глаза подруги открылись, Тавия снова увидела в них ту же недвижную пустоту. Ту же призрачную улыбку.

Сердце ее сжалось.

Было что-то знакомое в этом... в этом ужасном взгляде – и ее пульс резко участился.

– Нам нужно найти Уэсли, – сказала Тавия. – Что бы это ни было, он может это исправить.

Саксони не ответила. Из носа у девушки потекла кровь. Когда она подняла руку, чтобы вытереть струйку, ее глаза расширились.

– Тавия, – промолвила она, – беги.

Но прежде чем до Тавии дошел смысл сказанного – не говоря уже о том, чтобы последовать этому совету, – Саксони вскинула руку. Тавия покатилась по полу храма.

Она едва успела ощутить боль, как из ладони Саксони вырвался луч света. Тавия перекатилась по полу, чтобы уйти от этого нового удара.

– *Дынфьи!* – выругалась она.

Она даже не заметила талисмана в рукаве Саксони, пока не стало слишком поздно. Саксони не являлась фокусницей и не была обучена магии – так каким же образом подруге внезапно удалось стать такой быстрой?

Тавия вскочила на ноги и забежала за ближайшую колонну, пытаясь скрыться от очередной вспышки света. Луч врезался в стену храма рядом с нею.

Рано или поздно кто-нибудь услышит этот шум или увидит ослепительные лучи магии. Если соберутся зеваки, то миротражников долго ждать не придется. А меньше всего кто-то, балующийся черной магией, жаждет попасть в руки миротражников.

– Сонм Богов да проклянет этот день! – процедила Тавия, сунув руку в карман и выхватив оттуда мешочек с фокусами.

Наполовину магия, наполовину зажигалка.

Тавия отвела руку назад и метнула в подругу опасный «подарочек». Он взорвался у ног Саксони, выбросив столько искр, что ее башмаки едва не загорелись. Саксони испустила яростный крик и отскочила назад.

– Приди в себя! – рявкнула Тавия.

– Я пытаюсь! – отозвалась Саксони. – Я не хочу ранить тебя, я...

Ее голос прервался. Тавия пожалела, что не может вспомнить ни одного имени богов по эту сторону моря Оннела, чтобы обругать их персонально.

Не имея возможности добраться до сундучка, брошенного на ступенях храма, Тавия снова начала рыться в карманах. Девушка искала те кусочки магии, которые всегда хранились у нее наготове на тот случай, если кто-то попытается ее убить. Хотя обычно эти люди не были ее друзьями.

Вероятно, потому, что других друзей у фокусницы не было.

Коснувшись амулета невидимости, Тавия ощутила холод. Бусина казалась влажной под ее пальцами, а потом стала жидкой и потекла вверх по руке, впитываясь под кожу. Магия вызвала легкий зуд, но Тавия удерживалась, чтобы не начать чесаться. Вместо этого девушка закрыла глаза и позволила зуду проникнуть в самые кости.

Покалывание стало ритмичным. Каждый укол соответствовал удару сердца. Тавия мысленно вела отсчет.

Математика. Она всегда любила математику.

Девушка сжала руки в кулаки и исчезла прямо на глазах у Саксони. Это было неприятное зрелище. Тавия проделывала это не меньше десятка раз. Всякий раз Саксони подташнивало. Сначала исчезала кожа, обнажая красно-розовую мякоть мышц. Затем на виду оказывались внутренние органы и сосуды – ветвящиеся, словно древесные корешки. Потом оставались голые кости. Саксони моргнула – и в этот момент Тавия исчезла полнотью.

– Ты еще здесь? – спросила Саксони. – Тавия, ты должна мне помочь.

«Я помогу, если ты дашь мне хотя бы минуту», – подумала Тавия. Она шагнула к Саксони и полезла в карман за остатками магии.

Фокус, припасенный в этом мешочке, был далек от изящества. Однако отчаянные времена требуют отчаянных мер. Тавия высыпала содержимое мешочка на ладонь и дунула. Едва похожие на песчинки кристаллики закружились в воздухе, Саксони застыла. Ветерок облеплял крошечными кристаллами ее тело. В конце концов вся кожа подруги заискрилась, словно звездное небо.

Саксони открыла рот, чтобы заговорить, а потом рухнула на пол, ударившись головой о цементные плиты.

Тавия подошла вплотную. Ее временная невидимость уже рассеивалась. Фокусница потыкала ногу Саксони носком башмака, чтобы убедиться в действии парализующего заклятия. Подруга не пошевелилась. Тавия с облегчением вздохнула.

– Что это было? – произнесла она, решив, что подруга потеряла сознание. Фокусница опустила на колени рядом с нею.

А потом увидела это.

Крошечную отметину, почти скрытую в складке под челюстью Саксони – ярко-розовую на темно-коричневой коже. Отметину, которая уже много лет пылала в памяти Тавии.

Самое отчетливое и ужасное воспоминание о матери.

«Не плачь, *сиоло*. Все будет хорошо».

– Как ты?..

Тавия резко умолкла, когда по улицам разнесся предупреждающий визг свистков.

К ним направлялись миротражники.

– *Скхт!* – выругалась Тавия.

Если они с Саксони попадутся на горячем, Уэсли придется вызволять подруг. А учитывая, что дуайенна Шульце пристально наблюдает за ними всеми, король преступного мира будет очень недоволен.

Тавия взглянула на Саксони. Парализующая магия выветрится только через час, а нести Саксони Тавии было не под силу.

Свистки стали громче.

Тавия сглотнула и снова посмотрела на отметину на шее Саксони.

А потом рванула прочь, бросив подругу и на ходу роняя проклятия и капли крови.

Глава 3

Уэсли

Уэсли Торнтон Уолкотт убил за свою жизнь одиннадцать человек. Большинство из них не были хорошими людьми. Немногих из них нельзя назвать и плохими. Но все они были теми, кто стоял на пути у Главы.

Конечно, одиннадцать – не особо большое число в сравнении с тем, сколько убийств приписывали Уэсли. А поскольку одним из этих одиннадцати стал прежний смотрящий – который, судя по всему, был куда хуже него, – то Уэсли полагал, что в счет идут только десять.

– *Скхт*, – сказал Стелиос. – Вытащи его.

Прошло десять минут с тех пор, как нож вонзился в цель. Хотя Стелиос уже оставил попытки самостоятельно вынуть острие, он продолжал просить об этом других. Стелиос стоял на коленях и истекал потом. Кончик галстука впитывал кровь, струящуюся из его руки. Уэсли надеялся, что эта кровь отмоется. Он любил свой нож, свой стол и свой ковер, а сейчас его коллега-смотрящий заливал все это собственной кровью.

– Я не собираюсь делать тебя постоянным украшением своего клуба, – ответил ему Уэсли. Он смотрел, как ковер продолжает пропитываться кровью. – Но пока ты здесь, мы вполне можем закончить наш разговор.

Стелиос зажмурился и болезненно ухмыльнулся, оскалив зубы с золотыми коронками.

– Это лишь вопрос времени, – произнесла Илария. – Новый эликсир Главы в конце концов попадет и к нам. Ты просто получил его раньше.

Уэсли положил на язык стебель клевера, обдумывая смысл ее слов.

– Значит, вы хотите, чтобы я оказал вам услугу, – заключил он.

– Это профессиональная вежливость, – заметила Илария. – Быть может, нам время от времени и нравится пырять друг друга ножами... – Она бросила чуть насмешливый взгляд на руку Стелиоса. – ...но когда речь идет о деле, мы все равны и едины. Мы все – смотрящие этой страны. Мы одна команда.

Ее слова несли в себе оттенок сентиментальности – приятной, но все же сентиментальности. Верность или предательство. Друзья или враги. Уэсли полагал, что в мире не бывает ничего полностью белого или полностью черного. Даже это собрание – одно из тех, которые с завидной регулярностью происходили раз в месяц, – быстро превратилось из трогательной дани обычаю в засаду. Или почти засаду. Ссмотрящие – коллеги Уэсли – объединились против него, неустанно пытаясь вынудить юношу отдать им магию, которой сами не заслуживали. Этот эликсир Глава передал лично ему – и только ему.

– Вы похожи на голодных зверей, выпрашивающих объедки, – заявил Уэсли. – Почему бы вам просто не подождать, пока Эшвуд лично накормит вас – если уж вы так уверены в том, что он это сделает?

Илария почти прорычала:

– Ты забыл, с кем имеешь дело!

Но это было не так. Уэсли улыбнулся в знак отрицания ее слов.

– Чего я никогда не делаю – так это не забываю, – отозвался он.

Поскольку парень отлично помнил, что эти трое смотрящих – а они были самыми опасными людьми во всей Усхании до появления Уэсли – полагали, что он недостойн того, чтобы войти в их внутренний круг. Сейчас вспоминать об этом было почти забавно: как коллеги глядели на него сверху вниз – ведь они были смотрящими центральных городов, пусть и не таких больших, как Крейдж. Эти смотрящие полагали, что он слишком молод и недостаточно испорчен.

А теперь они нервничали, стоило Уэсли сделать паузу.

Теперь коллеги видели, на что он способен, имея в своем распоряжении целый город.

Конечно, настороженное отношение смотрящих к нему не делало их менее опасными. Вести магическую торговлю во всем городе – не то ремесло, которое доверяют человеку за его доброту и законопослушность. Уэсли знал это лучше, чем кто-либо другой. По сути, юноша прекрасно понимал, насколько ужасны люди перед ним.

Мошенники и убийцы, которые не остановятся ни перед чем, лишь бы подняться на самый верх. И Уэсли был худшим из них.

Касим фыркнул:

– Быть может, нам не передали твое «особенное» зелье потому, что оно недостаточно хорошо для нас.

– А возможно, потому, что Глава выделяет меня среди вас, – парировал Уэсли.

Илария цокнула языком и бросила на Уэсли взгляд, полный усталости и недовольства.

– Просто скажи нам, что делает эта магия и что замышляет Глава. В конце концов, нас больше.

Уэсли вздохнул.

Ему очень не нравилось, когда люди бросаются угрозами вместо того, чтобы исполнять их. Это казалось парню напрасной тратой времени и слов.

«Лучше убить их всех и просто покончить с этим», – прошептал голос в его голове. Уэсли поправил запонки на рукавах. Воздух вокруг него стал холоднее. Магия гудела, вызывая к убийству.

– Грубо приходить в дом к человеку и предъявлять ему подобные требования, – заметил он. Потом сунул руку в карман и нащупал крошечный кусочек металла, который всегда носил с собой. Касим заерзал, почувствовав себя неудобно.

– Кто-то должен отступить, – сказал Стелиос, вздрогнув. – Я не собираюсь стоять тут всю ночь с ножом в руке, потому что каждому из вас хочется доказать свое главенство.

– Мне ничего не нужно доказывать, – возразил Уэсли. Хотя какая-то часть сознания юноши всегда полагала, что именно это он и делает. Наклонившись вперед, Уэсли водрузил в центре стола серебряную пулю. Потом вскинул голову – и пуля послушно поднялась над столом.

– Ты собираешься застрелить нас магической пулей? – спросила Илария. Она в неверии смотрела на него, как будто только сейчас вспомнила, какой Уэсли подонок.

Конечно же, она в этом не виновата. У Уэсли было две маски. Когда другие смотрящие только пришли сюда, на виду оставалась та из них, которая выглядела приятной и располагающей. Но сейчас парень надел другую – соответствующую его репутации. Оно было безжалостным, со смертоносным взглядом. То лицо, которое так ненавидела Тавия.

– Сделай это. – Стелиос засмеялся и ударил здоровой рукой по столу. – Моей кровушке скучно без хорошей компании.

– Это немного чересчур даже для тебя, – сказала Илария, пристально глядя на Уэсли. – Подумай хорошенько о том, что ты делаешь.

Уэсли провел большим пальцем по нижней губе и отодвинулся назад – настолько, насколько позволяло кресло. Пуля вздрогнула в воздухе.

– Я и думаю, – ответил он. – Думаю о том, скольких из вас мне хочется отскребать от пола в этой комнате.

Смех Иларии был похож на осколок стекла.

– Похоже, ручной пес Эшвуда пытается откусить больше, чем может прожевать.

Уэсли выдохнул. Пуля без предупреждения – и словно бы даже не по его воле – пронзила воздух и пролетела в узкий промежуток между рукой Иларии и ее грудной клеткой. Илария

вскочила, когда пуля вонзилась в диван позади нее и продолжила прокладывать себе путь, пока не разнесла вдребезги зеркало в дальнем конце комнаты.

– Ты с ума сошел? – рявкнула Илария. Это был хороший вопрос. – Ты мог меня убить.

– Я это понимаю, – отозвался Уэсли. – Я просто хотел удостовериться, что и вы это понимаете.

Илария лишь злобно посмотрела на него. Это означало, что Уэсли добился своего.

Быть может, смотрящие были недовольны тем, что Глава выдал Уэсли некую порцию магии и что это новое зелье, от которого Эшвуд пребывал в таком восторге, окружено густой завесой тайны. И тем, что только Уэсли было позволено продавать этот эликсир. Может быть, Уэсли следовало стать добрее и удовлетворить их честолюбие. Однако правда заключалась в том, что они не были союзниками; не стояли на одной стороне с юношей. И Уэсли нелегким трудом заслужил все те преимущества, которые имел перед ними.

Крейдже процветал благодаря ему. Благодаря юному криминальному лидеру этот город стал магическим центром Усахии. Уэсли занимал свою должность не так долго, как все прочие смотрящие. Он, вероятно, убил и замучил не так много людей, как они; разрушил не столь много жизней и сжег не так много мостов, как они. Но за те недолгие годы, что Уэсли занимал эту должность, он сделал для пользы своего города больше, чем другие смотрящие могли предпринять за всю свою жизнь.

Уэсли любил Крейдже, а эти люди были слишком ужасны, чтобы любить что бы то ни было. Он взял полупустой графин с «Клеверье» и заново наполнил свой стакан. В открытое окно врывался ветер, взывая ко всем фокусам, которые были припасены у юноши. Повторяя ему, что пора заканчивать.

– Если это все, – сказал Уэсли, – то прошу прощения, но у меня есть дела. Мне нужно быть в других местах. Необходимо заниматься городом. Я уверен, что хотя бы кто-то из вас знает, каково это.

Илария грохнула кулаками по столу.

– Что случится в тот день, когда у тебя больше не окажется этой хитрой магии Главы, которой ты так легко швыряешься? – спросила она. – Потому что в этот день мы придем за твоим городом, Уолкотт. Что ты будешь делать тогда?

Уэсли встал, поправляя рукава своего пиджака.

– Полагаю, тогда мне придется просто убить вас всех старым добрым способом.

– Ты один, а нас трое.

Уэсли бросил взгляд на Стелиоса, все еще мавшего кровью его ковер.

– Двое с половиной, – поправил юноша и направился к двери.

Как только Уэсли повернулся спиной к другим смотрящим, завеса магии вокруг парня начала гудеть – так бывало всегда, когда он оказывался к кому-то спиной. Эта завеса была готова защитить Уэсли в том случае, если кто-то решит вонзить нож ему в спину.

Слушая это гудение, Уэсли пересек Кривду и распахнул дверь в свой кабинет.

Это было не самое худшее завершение ночи. Никто не попытался убить его. Юноша сумел внушить всем, будто сам может их уничтожить.

В общем и целом это можно назвать успехом.

Смотрящие должны были знать, что он не уступит их требованиям. Ведь если Уэсли даст хоть малейшую слабость, они превратят эту слабость в веревку, которой смогут удушить его.

Коллеги завидовали ему, и Уэсли знал это. Не только потому, что Эшвуд выделял его, но и от того, что другие усанийские города совсем не походили на его город. Эльтриея на востоке – вотчина Иларии – была плотно застроена бетонными зданиями, скрывавшимися в облаках. Эти здания стояли так тесно, что напоминали детали головоломки. Монотонность прерывали лишь сполохи вывесок с рекламой еды или удовольствий. Южный город Кайтну, за которым присматривал Стелиос, был более древним: он отмечен клеймом очень скучного

периода культуры, когда ценилась лишь красивая архитектура – и ничего больше. Там всегда было тепло, однако блеск солнца – единственное, что оживляло белизну одинаково безупречных кварталов. На западе располагалась Ришия, территория Касима. Эта страна сильнее прочих оказалась опустошена войной. Там крестьяне усердно обрабатывали землю. Здания утопали в зелени. Все это не шло ни в какое сравнение с Крейдже, где постройки представляли собой щедрое многоцветие. А когда их освещало солнце, отблески оконных стекол рисовали на земле причудливые картины.

Уэсли сел на край своего рабочего стола и сунул руку в карман за очередным стебельком клевера.

Позади него задрожала картина, которую он унаследовал от прежнего смотрящего. Уэсли взглянул на нее с любопытной улыбкой. На картине были изображены четыре стихии Сонма Богов. Их символы напоминали зоркие глаза, вечно надзирающие за тайнами Уэсли, а в нарисованных небесах над ними висела тень-луна.

В прежние дни ее называли Луной Мастеров. Она являлась частью некоего священного ритуала, о котором Уэсли читал в какой-то книге – хотя и не помнил, в какой именно. Ее текст гласил, будто при появлении тень-луны магия усиливалась в десять раз. Он предположил, что это всего лишь рассказы – а поскольку Мастеров, у которых можно было бы об этом спросить, больше не существовало, Уэсли не знал, правдивы ли они. И все же ему неизменно нравилась мысль о магической луне, одаривающей людей силой. Именно поэтому парень сохранил картину, хотя давным-давно избавился от ее владельца.

Уэсли терпеливо смотрел, как рисунок продолжает содрогаться, пока тот наконец не разделился надвое. Из темноты за ним показалось лицо.

– Сэр, – тихо и настороженно произнес Фальк, – мне кажется, я совершил прорыв.

Фальк был старше Уэсли, но лишь ненамного. И все же его лицо казалось измождено магией. Складывалось впечатление, что это лицо вытянули, а потом смяли, заострив все черты – от губ до маленького носа.

– Прорыв? – переспросил Уэсли. Фальк кивнул. Губы Уэсли растянулись в улыбке.

Остальные смотрящие оказались так озабочены эликсиром Главы и всем тем товаром, который Эшвуд поставлял Уэсли, что даже не подумали о вещах, что Уэсли мог сам для себя сделать.

Оружие и магия. И бесконечные возможности, которые давало их сочетание.

– Покажи мне, – приказал Уэсли.

Фальк шире распахнул замаскированную под картину дверь. Тень-луна скрылась из виду.

Уэсли сунул руки в карманы и, насвистывая в такт гудению своей магии, шагнул в дверной проем.

Глава 4

Тавия

Тавия уперлась ладонями в поясницу и посмотрела вверх. Камера Саксони, скорее всего, находилась на шестом этаже. Тавия ненавидела высоту. Еще она терпеть не могла карабкаться куда-либо и вообще заниматься телесными упражнениями – помимо уличных выступлений. У девушки не нашлось ни веревки, ни снаряжения для лазания по стенам. И уж точно не было навыков акробата.

Зато она могла летать.

Тавия украла амулеты для парения в воздухе у прежнего смотрящего в свой четырнадцатый день рождения – как подарок себе самой. Хотя фокусница не любила высоту, ей нравилась мысль о том, что всегда есть возможность сбежать. Ирония заключалась в том, что сейчас девушка намеревалась использовать эти амулеты, чтобы проникнуть в камеру.

Тавия потеряла ладони одна о другую, позволив талисману согреться в руках. Фокусница вздрогнула, ощутив у себя под ногами лишь воздух. Она изо всех сил старалась не смотреть вниз.

– Смотри прямо перед собой, – сказала она себе, отсчитывая окна, мимо которых пролетала. Ветер хлестнул по ногам. Тавию бросило вперед. Выставленные вперед ладони ударились в кирпичную стену. – Проклятье!

Она вонзила ногти в стену. Ноги девушки опасно подергивались в воздухе.

Пять. Она воспарила на пять этажей вверх. Карниз шестого этажа, где наверняка держали Саксони, дразняще нависал над Тавией. Именно сюда помещали арестованных нарушителей закона о магии, и потому этот этаж строго охранялся. Тавия сделала вдох, чувствуя, как магия парящего амулета буквально растворяется под нею – это все, что сейчас удавалось чувствовать под ногами. В любую секунду она могла упасть вниз и сломать шею. Или оказаться в руках миротражников. Те, несомненно, сообщат об этом Уэсли даже до того, как доложат своему капитану.

Тавия потянулась к окну. Ее пальцы соскользнули с карниза. Девушка стиснула зубы, вонзая обитые сталью ранты ботинок в стену. Собрав всю свою редко используемую телесную силу, она подтянулась вверх. Пальцы Тавии в неистовой хватке сомкнулись на прутьях оконной решетки.

Теперь она посмотрела вниз.

– О, *скехт*... – выругалась фокусница, созерцая черную брусчатку. При взгляде сверху вниз расстояние казалось куда больше, чем снизу вверх. Тавия подползла поближе к решетке, чтобы заглянуть внутрь.

Тюремная камера была куда просторнее ее спальни, однако удобной комнатуху трудно назвать. Все поверхности были цементными. Выбоина на выбоине, заплатка на заплате. С потолка, словно копы, свисали острые потеки. Слева, чуть выше уровня пола, располагался металлический унитаз. Рядом с ним к стене был привинчен рукомойник. На полу лежали три матраса, застеленные истертыми сырыми простынями. На одном из них, расположенном ближе всех к стене, сидел мужчина – и на Саксони он точно не походил.

Незнакомец был одет в фиолетовую робу, какую время от времени приходилось надевать большинству фокусников в Крейдже. Даже Тавия как-то провела день в камере предварительного заключения, облаченная в тюремный комбинезон. Девушка ожидала, пока Уэсли закончит свое собрание и позаботится о том, чтобы вытащить ее. В Крейдже ты считался виновным, пока кто-либо не состряпает достаточно свидетельств, дабы доказать обратное.

– Эй, – окликнула Тавия. Она не утруждала себя шепотом. Девушке было известно расписание стражи. Она знала, что обход начнется только через одиннадцать минут.

Мужчина вздрогнул, но продолжил сидеть, обратив к Тавии сгорбленную спину. Тавия вздохнула и подалась ближе, все так же крепко держась за решетку и не осмеливаясь снова взглянуть вниз. Она в любую минуту могла струсить.

– Эй, – повторила девушка, – сегодня еще кого-нибудь привозили?

Мужчина повернул голову в ее сторону. Свет был ровным, но тусклым. С потолка на шнуре свисала одна-единственная лампа. Когда мужчина обернулся, Тавия прищурилась, чтобы рассмотреть его лицо. Однако фокусница узнала его только тогда, когда заключенный встал с матраса и направился к окну.

Это оказался тот самый человек, которому она продала эликсир – прежде чем Саксони нахально опустошила еще один флакон. Мужчина в цилиндре, с наглым взглядом и с усами, которые сейчас были густо покрыты кровью. И что еще хуже, Тавия откуда-то знала: это не его кровь.

– Ты явилась спасти меня? – спросил он, потом угрюмо добавил: – Они все на меня орут. – Мужчина посмотрел на свои руки. – Они твердят, будто я убил кого-то. Я никогда никого не убивал прежде.

Тавия открыла рот, но не смогла вымолвить ни слова.

Что бы с ним ни случилось, миротражники даже не озаботились умыться мужчину, прежде чем бросить в эту камеру. Они раздели его, заставили надеть робу цветов Крейдже и сунули сюда.

– Я ищу свою подругу, – ответила Тавия, пытаясь собраться с мыслями. – Миротражники схватили ее возле старого храма. Ты видел, как они притащили в тюрьму кого-то, кроме тебя?

Мужчина покачал головой.

– Как тебя зовут? – поинтересовалась Тавия.

– Дэниел, – ответил он. – Дэниел Эмильсон.

– Что с тобой произошло? – В глубине души девушка надеялась, что он не даст ответа.

«Эликсир. Эликсир. Эликсир».

– Я встречал тебя раньше, – произнес Дэниел, хмурясь так, словно это было самым странным во всей ситуации. – Я хотел... Там была магия. Ты сказала, что это мечта.

Он сглотнул и сделал еще шаг вперед. Свет ярче озарил лицо Дэниела. Тавия взглянула на его шею. Ей захотелось кричать. У мужчины тоже виднелось то, что неизменно присутствовало в ее кошмарах.

Отметина, свидетельствующая о магической болезни.

Отметина, ставшая символом смертной участи ее матери.

Отметина была размером всего лишь с фалангу пальца. По форме она напоминала дверной проем. Посередине тянулась линия, которая изгибалась влево, а потом вправо – к побуревшим краям. Это знак того, что человек обречен на смерть.

– Был голос, – продолжил Дэниел.

Его руки сомкнулись вокруг ладоней Тавии, прижав их к стальным прутьям. Из носа у мужчины потекла кровь. Тавия могла лишь смотреть, не в силах шевельнуться.

– Он шептал, чтобы я сделал ужасные вещи, – говорил мужчина. – Но когда я пытался не делать их, он перестал шептать и начал кричать. – Заключенный крепче стиснул пальцы, сжимавшие кисти Тавии. Она зашипела от боли. – Он велел мне убить того миротражника.

Тавия попыталась высвободиться из его хватки.

– Скажи, что ты веришь мне! – рыдал Дэниел. Кровь на его щеках смешивалась со слезами. – Я не мог управлять собой. Мне словно кто-то говорил, что нужно сделать. Я больше ни о чем не мог думать. Я просто должен был это делать. Ты...

Дэниел умолк. Его хватка ослабла. На миг Тавии показалось, что он сейчас рухнет в обморок. Взгляд мужчины стал пустым. Уголки глаз почернели – как у Саксони тогда, в храме.

– Что ты дала мне? – спросил он тихо и безвольно.

Тавия побледнела. Она тоже хотела знать ответ на этот вопрос. Ведь если слова Дэниела являлись правдой, содержимое флакона определенно не было счастьем.

– Фокусница...

Тавия подняла взгляд на человека по имени Дэниел Эмильсон. Его лицо казалось бледным. Окровавленные губы сжались в тонкую линию. Он знал, что обречен на смерть – или на нечто худшее.

– Что содержалось в этой магии? – спросил мужчина.

– Не знаю, – искренне ответила Тавия.

Слеза скатилась по щеке Дэниела. Его взгляд скользил по полу, как будто на неровном цементе было начертано заклинание, способное отменить все это. Вырезать из жизни весь день и те ужасы, которые мужчина совершил под влиянием магии, сосватанной ему Тавией.

Он снова сжал пальцы на руках фокусницы, медленно качнув головой из стороны в сторону.

– Ты сделала это со мной, – промолвил он. – Это все твоя вина.

А потом он оторвал ее пальцы от решетки и столкнул девушку с карниза.

Глава 5

Уэсли

У Уэсли была тайна.

По сути, у него имелись сотни тайн. Однако эту, конкретную, никто и никогда не должен был узнать. Заключалась она в том, что Уэсли пребывал не совсем в своем уме. Точнее, в его уме находился еще кто-то.

Люди любят бросаться словом «сумасшедший». Сонму Богов ведомо, что все они считают Уэсли безумным преступником. Однако они просто не знают, насколько правы. Потому что вот уже много лет в голове Уэсли звучат голоса.

А точнее, один голос.

Невозможный голос.

Голос девушки, которую он знал когда-то давно. Она даже после своей смерти каким-то образом сумела оставить юноше свой голос. Возможно, затем, чтобы напомнить Уэсли: у него никогда не было совести. Смотрящий не должен даже пытаться обрести эту совесть.

Почти все время голос напоминал «белый шум». Образы и ощущения; осознание того, что она здесь и прислушивается к каждому его движению. Юноша постоянно должен быть настороже, чтобы защититься от нее. Но время от времени, когда Уэсли был недостаточно сосредоточен, голос девушки прорывался в его сознание и обретал собственную жизнь.

Она бранила смотрящего, когда он становился слишком хорошим. Ликовала, если он вел себя очень, очень плохо. Уэсли не знал, как это прекратить. Он не знал, как остановить ее. Юноша мог лишь отстранять девушку в глубину сознания – поправляя галстук, застегивая запонки и сосредотачиваясь на чем-нибудь еще. Закапывать ее поглубже, пока та снова не решит подняться на поверхность.

Его личный призрак.

Уэсли смотрел на часы, наблюдая, как ускользает секунда за секундой.

Обитель Консортессы Главы выглядела грандиозным зданием, покосившимся на один бок. Единственным предназначением Консортессы была роль посредницы между Эшвудом и другими Главами – она скрепляла их сделки рукопожатием и переправляла секреты от одного к другому. Она являлась чем-то средним между шпионкой и дипломатом; ходили слухи, что в многочисленных сейфах Консортессы хранятся запасы самой темной магии в стране. Эту легенду рассказывали друг другу все юные фокусники, хотя Уэсли никогда особо не верил в эти рассказы.

И все же здание было величественным, поскольку Консортессе нравилось считать себя великой. Оно нагло высилось по «бедную» сторону моста. Каждое из окон украшено пышными пучками перьев. С правой же стороны это здание кренилось набок, напоминая свод широкой грудной клетки.

Оно было мощным и внушительным – в том самом очевидном стиле, какой Уэсли никогда не одобрял. Но кроме того, оно казалось хитрым и коварным на тот лад, который юноше скорее нравился: для всего остального Крейдже – и особенно для дуайенны страны – это здание служило всего лишь магической мануфактурой, где возгонялись и разливались по флаконам законные зелья.

Добрые люди даже не знали о нескольких скрытых этажах этого здания.

Дверной проем в противоположной стене вспучился пузырем. Уэсли поднял взгляд на тощего человека, возникшего в дверях. Рейнхольт Лейфссон, секретарь этого учреждения. Он был полностью одет в черное, волосы зачесаны на один бок – кожа мужчины была бледной

словно мел. Издали казалось, будто в воздухе парит одна лишь его голова, неспешно дрейфуя к Уэсли.

– Мистер Торнтон Уолкотт, – произнес Лейфссон с гладким крейджийским произношением. Он протянул обтянутую перчаткой руку и склонил голову. Не сделав ни единого движения в ответ на рукопожатие, Уэсли покосился на его перчатки и поднял брови.

– Вы носите их постоянно.

– Кое-кто полагает, что лучше не оставлять отпечатков пальцев, когда имеешь дело с темной магией.

– Об этом легко позаботиться. – Уэсли застегнул пуговицу своего пиджака и остановился. – Если кто-то недостаточно ловок, чтобы не оставлять отпечатки пальцев, эти пальцы всегда можно отрезать.

Девушка-призрак в его сознании заплотировала – как делала всегда, когда Уэсли бывал ужасен. Лейфссон моргнул.

– Да, – согласился он, – это было бы весьма эффективно. – Мужчина вытянул руку в сторону проема, из которого появился. – Сюда, пожалуйста. – И повернулся на каблуках начищенных ботинок, провожая Уэсли к зеркалу.

Юноша взглянул на свое отражение в холодном сером стекле – галстук-бабочка свидетельствовал, что день сегодня нечетный, – и протянул руку. Зеркало под его пальцами расступилось. По поверхности пробежала рябь, смазав отражение лица Уэсли.

К этой части приема юноша так и не смог привыкнуть. Дверь в его кабинет в Кривде была устроена сходным образом – считывая отпечатки ладони, как любая система, стбоящая своих денег: но эта дверь читала не только отпечатки. Она прочитывала человека, его намерения и, что самое важное, верность. Насколько Уэсли знал, Эшвуд был единственным в мире, кто сумел разработать нечто столь хитроумное.

Уэсли не отводил пальцев от зеркала. Спустя несколько мгновений, нужных зеркалу для того, чтобы магия подтвердила его преданность, стекло разгладилось и застыло.

Уэсли сунул руки в карманы и шагнул в свое отражение.

Коридор по другую сторону был настолько длинным, что казалось, будто к дальнему концу его стены сходятся в одной точке. Эти стены представляли собой сплошной ряд зеркал, отмеченных лишь серебряными ручками, которые торчали под странными углами. Не было видно никаких четких линий, отделявших одну зеркальную дверь от другой. Лейфссон склонил голову вправо и твердо взялся за ручку первой двери.

– После вас, – отозвался мужчина. Перед ними обозначился дверной проем.

Комната была в равной мере красной и черной. Стены ее сделаны из того же самого стекла, сквозь которое только что прошел Уэсли. Ковер цвета полночного рубина. Слабый свет давали угольно-черные свечи на стеклянных цепях и их бесчисленные отражения в зеркальных стенах.

В центре комнаты покоился темный силуэт. Вокруг него перешептывались тени.

Лейфссон, пятясь, вышел из комнаты.

– Уэсли, – произнес Глава. Эхо повторило это имя.

Данте Эшвуд находился здесь – и его здесь не было.

Он был человеком и не являлся им.

Уэсли видел очертания его цилиндра и элегантного сюртука, собранного складками вокруг тела. Но лицо... Уэсли никогда не видел лица Главы. Никто не видел. Вместо кожи и глаз проступали только темнота и дым. Можно было разглядеть лишь намек на губы, да из-под бледной до прозрачности ладони сиял набалдашник черной трости.

Воздух вокруг него мерцал, подобно пламени.

Хотя каждую из четырех стран возглавлял дуайен или дуайенна, мир криминала повсеместно был представлен Главой – с заглавной буквы «Г». В то время как дуайены стран занима-

лись законными делами, Главы заправляли черномagической торговлей. Их смотрящие управляли многими городами, вербуя фокусников для продажи запрещенной магии, а Консорты и Консортессы выступали их представителями и посланниками. Но хотя другие Главы слыли могущественными, злобными и, вероятно, бездушными, они все-таки, несомненно, являлись людьми.

Все, кроме Эшвуда.

«Не человек, но бог», – произнесла тень в голове Уэсли.

Юноша проигнорировал ее слова – как старался делать всегда – и поклонился Главе. Эшвуд рассмеялся над этой формальностью.

– Слишком серьезно, мой мальчик. Налей себе чего-нибудь подороже и садись.

– Я могу и постоять, *тек*.

– Уэсли. – Глава постучал по набалдашнику своей трости. От прикосновения его длинных белых пальцев шар мигнул. – Налей себе выпивки.

Уэсли кашлянул и направился к бару.

Воздух был густым от множества слоев защиты, которыми оказались окутаны оба собеседника. В Крейдже нельзя доверять даже себе самому, не говоря уже о ком-то другом. Хотя Уэсли не обманывал себя: если Глава захочет подавить его магию, так и произойдет. Эшвуд просто хотел преподнести Уэсли иллюзию силы, в действительности никогда не давая ему полной власти над чем бы то ни было, в том числе и над собственной жизнью.

Уэсли взял бутылку «Клеверье», который предпочитал всем остальным напиткам в Крейдже, и наполнил свой бокал.

– Мы не так уж часто видимся, – произнес Эшвуд. – Ты слишком занят превращением Крейджа в свое королевство. Миновали те дни, когда ты полагался на мое руководство.

Уэсли сделал глоток из бокала, все еще стоя спиной к Главе. В голосе Эшвуда прозвучала ностальгия. Уэсли решил пропустить ее мимо ушей.

Можно было подумать, что Глава некогда взял Уэсли в ученики, и тот стал ему родным. Нет, все было совсем не так.

Он встретил Уэсли, когда юноша в канун своего седьмого дня рождения бродил по переулкам, обчищая карманы прохожих. В те времена Эшвуд был такой же тенью, как и сейчас – с затянутыми в перчатки руками и лицом, состоящим из дыма. Он, конечно же, решил, что Уэсли сирота, у которого нет семьи и дома, – и разве такой сирота не ухватится за возможность заполучить и то, и другое?

Но на самом деле у Уэсли была семья и дом. Вот только мальчик желал, чтобы всего этого у него не было.

Уэсли знал, что означает принять руку Главы. Однако парень хотел вернуться на улицы только тогда, когда станет большим и сильным. Когда сможет показать себя достойным в глазах своей семьи, которая вообще не желала его появления на свет. Но потом месяцы сложились в годы. Магия стала его жизнью. К тому времени, как Уэсли действительно смог бы что-то кому-то показать, оказалось уже слишком поздно. Разразилась магическая эпидемия. Самую страшную жатву она собрала на маленькой окраинной улице Крейджа, где он вырос.

Его родные, вероятно, уже мертвы – а если нет, мертв был тот маленький мальчик, который хотел что-то доказать им.

Уэсли передумал.

К этому времени он открыл для себя Крейдже: узнал тайны города, научился получать наслаждение от его изящных изгибов и острых граней. Сияние огней, звезд и магии... Уэсли попал под очарование этого города и хотел лишь охранять его безопасность. Защищать город так, как не мог защищать никто другой – Уэсли знал это.

– Как мои прочие смотрящие? – спросил Эшвуд.

Уэсли глотнул еще «Клеверье» и направился к дивану, стоящему параллельно ложу Главы.

– Все еще необходимы, – ответил он. – Пока что.

Эшвуд засмеялся:

– А мой эликсир?

Уэсли помолчал, не зная в точности, что на это ответить.

– Ты выглядишь обеспокоенным, – заметил Эшвуд. Уэсли взглянул на него сквозь зеркальные очки. Они отражали магию Главы обратно в призрачное лицо – потому что Данте Эшвуд был способен заглядывать сквозь глаза людей прямо к ним в душу и рыться в их секретах. Уэсли же предпочитал держать свои секреты при себе.

И кроме того, у юноши в голове и так ютилось достаточно народа.

– Мы не добились особого прогресса, – признал смотрящий. – Трудно продавать что-то, почти ничего о нем не зная. – Уэсли постарался подобрать следующие слова как можно тщательнее: – Делу могло бы помочь подробное изложение действия этой магии. Я полагал, что если у вас есть какие-то планы, я первым узнаю о них.

Глава выдержал небольшую паузу, похожую на темную расселину в беседе. Потом сказал:

– Ты – моя правая рука, Уэсли. Для меня ты дороже любого другого смотрящего. Но мне нужна и левая рука тоже.

Уэсли проглотил раздражение от этих слов, осторожно, чтобы даже крупинка этого раздражения не проскользнула наружу.

– Это действительно эликсир счастья? – поинтересовался он.

– Да, – подтвердил Эшвуд. – И нет. Эта магия – способ обеспечить мне победу в войне.

– Мы ни с кем не воюем.

– Но скоро будем.

Уэсли не мог видеть лица Главы. Но юноша был уверен, что почувствовал, как по этому дымному лицу скользнула улыбка. Быть может, Уэсли и любил хаос, однако не имел ни малейшего желания вести войну – и особенно не хотел, чтобы в эту войну оказался втянут его город.

– Я всегда считал, что из тебя получится отличный заместитель, – продолжил Эшвуд. – Ты ведь знаешь, Уэсли, что ты для меня как родной.

Уэсли считал это правдой, поскольку Глава забрал его с улицы и вырастил, превратив в того, кем парень стал сейчас. Эшвуд вложил в Уэсли много труда, сделав его вождем целого города.

Уэсли был обязан мужчине всем.

И ненавидел это.

В каком-то смысле юноша терпеть не мог то, что Эшвуд стал его семьей. Не той, в которой Уэсли был рожден. И даже не той, какую он выбрал. Той, что была уготована смотрящему. Той, для которой его сделали. Кроме того, Уэсли не нравилась сама мысль являться чьим-то сыном. У него уже был отец, который относился к нему настолько ужасно, что Уэсли отнюдь не жаждал обзавестись другим папочкой.

– С кем вы собираетесь воевать? – спросил Уэсли. – Я думал, вы и другие Главы пришли к пониманию.

Тени вокруг Эшвуда зашевелились.

– Мне нет дела до этих глупцов, – сказал он. – Мой эликсир должен послужить свержению дуайенны.

Уэсли был рад, что очки скрывают нарастающую неуверенность в его взгляде.

– Ваша цель – Шульце? – уточнил он.

Глава издал приглушенный звук, выражавший нечто среднее между весельем и разочарованием.

– Моя цель – новая эпоха, мой мальчик. Фенна Шульце полагает, будто может устанавливать в моей стране законы, ограничивающие нас. Однако я пришел сюда задолго до того, как эта наглая девчонка заняла свой кабинет – и буду оставаться еще долго после того, как она его покинет. Магия – черная или белая – это то, что заставляет мир возвращаться. И я не позволю какому-то политику разрушить все это.

Эшвуд произнес слово «политик» так, как будто это невероятно грязное ругательство.

– И эликсир поможет вам сделать это, – произнес Уэсли. – Он действительно настолько опасен?

Юноша не мог не спросить. Он дал эту магию Тавии, и если та пострадает...

– Войны выигрываются риском, – отозвался Эшвуд. – Мой эликсир позволяет мне открыть разум людей, чтобы те могли увидеть мою правду сквозь пропаганду Шульце. Когда я приведу их на свою сторону, мы свергнем это правительство с наименее возможным числом жертв среди населения.

Жертв. Не убийств.

– Я назвал его Лой, – гордо возвестил Эшвуд.

«Свет». По крайней мере, такое значение имело это слово в уличном жаргоне. Когда-то существовало старинное выражение *лойиси уф хемга* – «свет счастья», – но уличные ребята начали вкладывать в него другое значение. Внутренний покой, ставший чем-то вроде цели, к которой нужно стремиться. Это чувство возникает в душе, когда ты в первый раз за много дней поел горячего или сумел найти укрытие от дождя и смог поспать на жестком матрасе, а не на мостовой. Это облегчение от осознания того, что ты можешь на какое-то время оставить беспокойство и просто дать себе отдохнуть.

Это причина, по которой большинство уличных детей становились фокусниками.

Они хотели получить Лой. Знание того, что все будет в порядке.

И Эшвуд назвал в честь этого свою магию.

– Это действительно новая магия, – сказал Уэсли. – Как такое возможно?

Эшвуд наклонился вперед. Свет свечей замирал на верхушке его цилиндра.

«Ты знаешь, как», – прошептал призрак девушки.

– Это довольно легко сделать, – сказал Эшвуд, – когда рядом с тобой есть Мастера.

Это было то, что Уэсли больше всего ненавидел в Данте Эшвуде.

Самая ужасная черта, которую нельзя переступить.

Магия, какой Уэсли торговал сейчас, являлась лишь подражанием. «Волшебным порошком», собранным на осколках магии, – и в этом порошке почти не содержалось силы сверх каких-то применимых на практике фокусов. Эликсиры, меняющие разум и тело, – они извлекались из зараженных магией людей на мануфактурах, которые финансировало правительство. Потом эти микстуры разливались по флаконам и поступали в продажу. Люди, послужившие источником, получали щедрую компенсацию. А амулеты? Быть может, они и содержали самую мощную – и незаконную – магию, однако фокусники после должного обучения могли управляться с ними, использовать, создавать магические предметы. При наличии нужной технологии эти амулеты удавалось даже копировать.

Но ни единый вид магии нельзя создать заново.

Если только ты не был Мастером.

До Войны Эпох Эшвуд провел не одно десятилетие в обществе этих пленников-магов. Он исследовал их, учился их трюкам, погружался в легенды магов. В это время их сила проникла в него, превратив мужчину в темное омерзительное существо.

Эту историю рассказывали каждому фокуснику в Усхании во время вербовки.

Эшвуд не был человеком и не был Мастером.

Он являлся воплощением чего-то промежуточного. Живой тенью – и, как говорили люди, достаточно могущественной тенью, чтобы прожить столетие, а то и не одно.

Предполагалось, что война раз и навсегда покончила с ремеслом Мастеров, хотя говорили, что она избавилась и от самих Мастеров, погубив многих из них и вынудив оставшихся бежать. Однако похоже, что Эшвуд не намерен считаться с такими мелочами, как невозможность чего бы то ни было.

Он нашел тех немногих из них, что сумели скрыться. Глава превратил их в своих марионеток.

– Сколько у вас Мастеров? – спросил Уэсли.

Он не хотел знать ответ на этот вопрос.

«Да, да, ты хочешь это знать».

– Количество не имеет значения, – отозвался Эшвуд. – Но когда я стану дуайеном, необходимость скрываться отпадет. Мы воспрянем и создадим светлое будущее, наполненное магией. Понимаешь, Уэсли?

Сила Эшвуда напитывала воздух, подобно сильному дождю, просачиваясь в легкие Уэсли.

Во всей Усхании не нашлось бы ни единого разумного человека, честного или нечестивого, который поддержал бы избрание Эшвуда на пост дуайена. Быть может, политики и являлись преступниками. Только вот людям не нравилось, когда те совершали преступления столь открыто. Даже если Эшвуд вырвет титул из холодных мертвых пальцев Шульце, его ни за что не примут. Убийством можно добиться власти в преступном мире – но не законного правления. Эшвуд уничтожит мир в попытке покорить его, потому что мужчину не заботят ни Усхания, ни Крейдже. Он не желает этому городу добра и уж точно не питает к нему той любви, которая движет помыслами Уэсли.

Если понадобится, Глава сожжет этот город.

– Когда разразится война, что будет с Крейдже? – спросил Уэсли.

– Ничего, – заверил его Эшвуд, – пока местные жители поддерживают меня. Но я не потерплю мятежа, Уэсли. Каждый игрок в этой партии должен следовать правилам.

– Война – не игра, – возразил Уэсли.

– Все игра, мой мальчик. И к тому времени, как появится тень-луна, мои Мастера будут готовы выиграть.

Тень-луна.

Уэсли вспомнил картину в его кабинете. В памяти возникли истории о том, как эта луна усиливала магию Мастеров.

Глава снова обратился к нему призрачную улыбку – как будто мог прочесть мысли Уэсли даже сквозь очки.

– Ты не хуже меня знаешь, какую власть имеет над магией тень-луна, – сказал Эшвуд. – Наша армия станет зрелищем, достойным созерцания.

«Он обещает тебе власть над миром», – проворковал призрачный голос.

Уэсли попытался удержаться от того, чтобы начать стирать с запонок отвратительные пятна или поднять руку и поправить галстук, хотя его пальцы дрожали от желания что-то сделать каждый раз, когда юноша слышал этот голос у себя в голове.

Вместо этого Уэсли крепко сжал руки в кулаки.

Должна быть некая граница. Где-то в этом мире должна существовать черта, которую не могут перейти даже самые худшие из людей.

– Вы отдали Крейдже мне, – произнес Уэсли. – Чтобы я мог сделать его великим.

Эшвуд постучал по наверху своей трости, обдумывая слова Уэсли. Тот ждал. Галстук на шее казался парню удавкой.

«Веди себя тихо, и все будет в порядке».

Наконец Эшвуд поднялся – тощий и высокий. Пространство вокруг него заволочло туманом.

Уэсли смотрел снизу вверх на безликого человека, который забрал его с улицы и превратил в того, кого все боялись. На человека, что дал юноше дом и был готов отнять этот дом одним щелчком пальцев.

На человека, который называл Уэсли родным.

На человека, которого он ненавидел сильнее, чем кого бы то ни было еще.

– Я не хочу, чтобы мой город оказался разрушен, – выговорил Уэсли.

Глава протянул руку, словно отлитую из льда, и почти отеческим жестом положил ее на плечо Уэсли.

– Некоторые вещи нужно разрушать, – произнес он, – чтобы их можно было воссоздать.

Глава 6

Карам

Карам слизнула кровь с зубов.

Монеты и мешочки с фокусами летели в нее, врезаясь в канат, ограждающий ринг. Это напоминало амфитеатр – только вместо камня были узорчатые обои, а вместо воинов – она, Карам.

Бойцовский ринг Кривды был известен как единственное место во всем Крейдже, где законно можно измолотить кого-нибудь в хлам. Это место оправдывало свою репутацию. Потолок поддерживали прочные балки, с которых на металлических кабелях свисали огромные лампы. Ряды обитых плюшем кресел содрогались, когда зрители вскакивали, крича от восторга или ярости.

Это место казалось таким же холодным, как собравшиеся здесь люди.

Обычно сражения проходили скорее на магии, чем на кулаках. Но когда на ринге появилась Карам, вся эта чепуха отметалась как мусор. Ее противники не полагались на фокусы и амулеты для завоевания победы. Не существовало никаких правил, никакой защитной магии. Была только Карам и кровь, которую она жаждала пролить.

Противник привалился к канатам и провел большим пальцем по своей нижней губе.

Он являл собой воплощение мощи – ни капли слабости. Мышцы так распирали тело бойца, что кожа едва не лопалась. Он не обматывал кулаки защитными ремнями, и в прошлом раунде кровь с его костяшек брызнула Карам в глаз.

– Маленькая ренийская девочка хочет поиграть? – врасстяжечку спросил противник поуханийски, словно она могла не понять его.

Карам инстинктивно зарычала в ответ.

Эта насмешка не разозлила ее и не застала врасплох. Напротив, девушка была зла потому, что именно этой подколки и ожидала от противника с самого начала. Она негодовала, потому что привыкла к этому. Прошло уже немало лет, а Карам по-прежнему оставалась чужачкой. Не-своей. Все еще недостаточно похожей на жителей Крейджа. Не из-за темного цвета кожи, а потому что ее кожа была темной *по-другому*. Блестяще-коричневой и украшенной синими и золотыми татуировками, которыми славились женщины ренийских земель. Узорные цепочки с самоцветами пронизывали волосы девушки даже сейчас, а на плечо время от времени падала *сетва* – черно-синяя, каким часто бывало лицо Карам. В ее говоре по-прежнему звучали нездешние интонации – даже после полудесятка лет жизни в этой стране.

Ничто из этого не имело значения – и все это имело значение.

Карам шаркнула по полу подошвой и сплюнула.

– Ухмыляйся, пока зубы целы, – отозвалась она. Противник рассмеялся и бросился на девушку. Его кулак врезался в щеку Карам с быстротой, которой она не ожидала от этой горы мышц. Девушка навзничь рухнула на каменный пол. Чтобы смягчить падение, она подставила руки. С секундным запозданием Карам поняла: это не лучшее решение. Руки служили ей оружием – предпочтительнее разбить лицо, чем ладони.

Толпа взвыла. Карам сглотнула наполнившую рот кровь.

Она ни за что не проиграет этому *хиджада*. Этому ублюдку. Девушка заставит его сдаться.

Вскочив на ноги, Карам кинулась на противника. Ее плечо пришло в соприкосновение с его боком. Карам ощутила мгновение, когда край ее кости врезался в его кишки.

Противник зарычал и сомкнул руки у девушки на спине, сдавливая изо всех сил. Карам просунула локоть между своим телом и телом бойца и уперлась ему в живот. Его хватка

ослабла. Расстояние между ними увеличилось. Карам начала наносить удары. Жесткие тычки прямо под ребра.

Одной рукой.

Двумя руками.

Пока не уверилась, что услышала хруст.

Противник отшатнулся назад. Карам подпрыгнула, текучим движением ввинчиваясь в воздух. Край ее стопы врезался ему в лицо.

Зрители вскочили.

Они кричали, требуя большего.

Больше насилия, больше жестокости.

Столько, сколько могла дать Карам, чтобы насытить их пустые сердца.

Она смотрела, как они хватаются за спинки сидений, едва не подскакивая вверх, чтобы лучше видеть. Ряды для бедных и чуть менее бедных; для тех богатых, которые из всех сил пытались скрыть свое богатство; для подлых, что совершенно не скрывали подлость.

Однако той, кого Карам неизменно ожидала увидеть, здесь не было.

Саксони невозможно было не заметить, словно молнию в грозу. Иногда Карам могла поклясться, что ощущает присутствие Саксони всей кожей. Быть может, это ощущение всемогущей силы, что струилась в жилах девушки.

Приходя посмотреть на бои, Саксони выделялась ростом среди прочих зрителей. Если же они с Карам стояли рядом – что в последнее время бывало редко, – то на добрых пятнадцать сантиметров Саксони возвышалась над ренийкой. И даже когда Саксони сидела в задних рядах, Карам всегда знала: та смотрит прямо на нее. Смотрит своими прекрасными глазами – такими же исчерна-коричневыми, как ее кожа.

Всякий раз.

Хотя при виде Саксони у Карам возникало чувство, будто время несправедливо разделило их – все, что они когда-то делили друг с другом, будь то магия или секреты, теперь разбилось вдребезги. Однако это было все же лучше, чем не видеть девушку совсем. Для обеих это был способ сказать друг другу, что нечто все еще живо. Что, возможно, оно останется навсегда.

Но на этот раз Саксони не появилась.

Карам резко свела сжатые кулаки.

Зрители топотали, словно ударяя в боевой барабан.

Противник Карам поднялся на ноги и изрыгнул череду ругательств. Девушка склонила голову набок, оценивая его стойку. Боец подогревал себя гордостью и яростью, а она знала, как быстро иссякает это «топливо».

– Ренийская тварь, – прорычал он. – Ты за это заплатишь!

Пустые угрозы.

На этом ринге Карам противостояла теневого демону – в ту ночь, когда здесь собрались все смотрящие и Кривду закрыли для зрителей.

Родители ее родителей сражались в Войне Эпох в рядах секты священных воинов, чьим долгом являлась защита Мастеров.

Карам была дочерью Рекхи д'Райхсни.

А этот человек был ничем.

Он метнулся вперед. Карам уклонилась в развороте, однако рука противника зацепила ее бедро. Яростная сила его броска заставила их обоих покатиться по полу.

Карам вскинула колено, нацелив удар ему между ног. Боец взревел. Девушка из всех сил оттолкнула мужчину, потом перекатилась, прижав к полу его бедра.

Оказавшись сверху, она принялась безжалостно молотить врага, пока повязки на ее кулаках не стали скользкими от крови.

Противник плюнул девушке в лицо, потом с неистовой силой ударил ее в нос основанием ладони. Карам упала навзничь, ослепнув от невыносимой боли между глаз.

Противник неуклюже навалился на нее, сжал ладонями ее глотку и начал душить. Кровь капала с его лица на лоб и щеки девушки.

Карам хрипела, пытаясь сделать вдох. Боец продолжал душить ее.

Девушке и раньше приходилось убивать, – и человека, и демона – но предполагалось, что этот бой продолжится лишь до тех пор, пока кто-то не сдастся. Однако во взгляде противника читалось: живой он Карам не отпустит.

Мужчина собирался убить ее – и толпа подбадривала его криками.

Карам провела руками по своей ноге.

Казалось, что противник вот-вот оторвет ей голову, однако девушка даже не попыталась разжать его руки. Это стало бы напрасной тратой сил и дыхания. Одолеть эту грудку мышц ей вряд ли удалось бы.

Вместо этого Карам сдвинула ткань на голени и сжала в ладонях рукоять потайного кинжала.

Это оружие она носила именно для таких случаев.

Одним резким движением девушка вскинула кинжал и вонзила его в бок противнику.

Мужчина замер. Карам провернула лезвие в ране.

Когда боец издал жуткий сдавленный звук, она извлекла кинжал и воткнула его в спину.

Хватка противника ослабла.

Тяжело дыша, Карам выкатилась из-под бойца. Потом, не вставая с пола, повернула голову и стала смотреть, как он хрипит и дергается.

Зрители разразились криками. Они, как и Карам, знали: миротражники не придут в Кривду. Не последует ни наказания, ни возмездия. Что значат законы там, где царит безвластие?

Кровь мужчины растекалась, подползая к пальцам Карам. Она заставила себя подняться на колени, чтобы не испачкаться еще больше. Склонившись над противником, девушка мысленно вознесла ренийскую молитву. Не за этого человека, но за девочку – ту, которой она была, когда впервые оказалась в этой стране. Ту, что скрывалась в потемках и плакала о семье, которую больше никогда не увидит. За девочку, которая выросла с желанием стать воительницей. И вместе со своим лучшим другом поклялась свергнуть Глав и возродить Рекхи д'Райсни.

Крошечная часть души Карам хотела бы ощутить вину или стыд за то, какой она стала теперь, но было уже слишком поздно. Слишком многое случилось с девушкой. Ее уже нельзя назвать той наивной девочкой, и здесь была не Гранка.

Карам вытащила нож из спины противника и вытерла окровавленное лезвие о свои штаны.

Это Крейдже. Здесь убивали или умирали.

* * *

Карам расставила ноги на ширину плеч и сделала неспешный глоток из полупустой бутылки с водой. В темноте затихал городской шум. После окончания боя она охраняла дверь в кабинет Уэсли – вот уже три часа и сорок восемь минут – и девушка начала скучать.

К счастью, Карам обладала достаточным опытом убийства, чтобы знать, как убить время.

Она представила, что Саксони стоит напротив, лениво прислонившись к стене и скрестив ноги в щиколотках: волосы переброшены через плечо, платье с геометрическим узором из отверстий плотно облегает талию и обрисовывает округлую линию бедра...

Карам вздохнула.

Ей нужно отделаться от навязчивых мыслей об отсутствии Саксони сегодня и о том, что это могло значить. Наверное, девушка действительно решила завязать с их отношениями. И только сама Карам продолжала цепляться за них, не в силах отказаться от чувств, которые ей следовало отбросить еще несколько месяцев назад.

Девушке нужно было отвлечься.

– Где он?

В узкий коридор вошла Тавия Сайн. На ее бледных пальцах блестели серебристые повязки. Стальной рант ботинок напоминал скругленные лезвия. Короткие темные волосы прикрывали лоб и глаза, словно капюшон плаща.

Жаль, что эта девица ничего не знала о том, как драться – потому что выглядела она весьма подходяще.

– Смотрящий занят, – отрезала Карам.

– Чем занят?

Карам пожала плечами.

Ее не интересовали грязные делишки Уэсли. Какие бы тайны у него ни водились, криминальный лидер мог оставить их при себе. Он заслужил это право.

В конце концов, именно Уэсли разглядел способности Карам, когда она только-только приехала в Крейдже и дралась на подпольных рингах в трущобах. Он убедил прежнего смотрящего дать девушке шанс и поставить охранять двери. Когда Уэсли сам стал смотрящим, то взял ее в свои личные охранники. Вместе с ним Карам поднялась до самого верха. Ее долг перед ним был больше, чем она признавала даже перед самой собой.

Тавия зарычала и двенадцатью тяжелыми шагами преодолела коридор. Она оберегала левую ногу, хотя и на правую старалась наступать полегче. Фокусница при этом морщилась. Ее рукава были закатаны. По белой коже, словно пятна акварели, расплывались свежие синяки.

Тавия действительно не умела драться.

Карам хлопнула ладонью по стене.

– Вернешься, когда тебе будет назначена встреча.

Тавия сердито зыркнула на нее, но этот взгляд не испугал Карам.

Проблема заключалась в том, что при всей своей черной магии и еще более черной помаде на губах Тавия была известна тем, что пыталась следовать морали. А мораль в Крейдже не уважали и не боялись ее.

– Отойди, – заявила Тавия.

– Уходи, – ответила Карам.

Воительнице уже надоело, что Тавия использует свою интрижку с Уэсли, чтобы добиться своего. Считает, будто это делает ее исключением из правил. И ошибается.

И сейчас Тавия сделала то, что сделал бы любой, кто зарабатывает себе на жизнь ловкостью рук: попыталась оттолкнуть Карам в сторону и пройти к двери.

А Карам ответила тем, что сделал бы любой, кто зарабатывает себе на жизнь избиением людей: ударила Тавию в лицо.

От удара фокусницу развернуло. Она оперлась ладонями о стену, с трудом перевела дыхание и попыталась выпрямиться. Девушка стояла спиной к Карам, не давая той увидеть последствия удара. Вероятно, у Тавии под глазом проявится фингал – в тон помаде, которую она достала из кармана.

Карам нахмурилась, когда Тавия щелкнула крышечкой тюбика и дрожащей рукой поднесла его к лицу. Потом чмокнула напомаженными губами. Звук получился неестественно громким.

– У меня нет на это времени, – сказала Тавия. – Ты пожалеешь о том, что попыталась остановить меня.

Хей реб, какой же смешной воякой она была: с раскладными ножичками в карманах, с разрезами под ногтями. Уличная девчонка с брошкой на плече, готовая покорить мир.

Воительница попыталась сдержать гнев. Саксони будет вне себя, если Карам убьет ее лучшую подругу.

– Ты не можешь мне угрожать, – хмыкнула Карам. – Полагаю, я просто вышибла из тебя остатки мозгов.

На щеке Тавии уже наливался темным цветом синяк. Она сложила губы в безэмоциональную улыбку и произнесла:

– Когда я тебя уложу, это будет твой самый крепкий сон за многие годы. Может быть, ты даже скажешь мне «спасибо» за это.

Карам едва не засмеялась.

– А потом Уэсли убьет тебя, если я не убью тебя сама. Мы обе знаем: его душа черна настолько, что чернее и быть не может.

Тавия одним рывком преодолела разделявшее их расстояние.

– У Уэсли Торнтон Уолкотта нет души, – сказала она и поцеловала Карам.

Та отшвырнула ее и сплюнула, глядя, как Тавия ударяется о стены коридора.

«Свихнулась», – подумала Карам.

Тавия свихнулась. Карам намеревалась убить ее за это. Сразу же после того, как вымоет губы и прополосчет рот. Дважды.

Карам сделала шаг вперед, яростно утирая губы рукавом. И тут она споткнулась.

Ноги девушки внезапно задрожали и ослабели. И стали слишком тяжелыми, чтобы можно было оторвать их от земли.

– Постарайся не сопротивляться этому, – посоветовала Тавия. – Саксони убьет меня, если ты из-за этого покалечишься.

Похоже было, что Тавия хмурится. Однако Карам не могла разглядеть отчетливо. Коридор расплылся, затем снова вернулся в фокус – и начал вращаться, искажаясь и растягиваясь.

Карам почувствовала, как замедляется ее пульс. Когда же девушка попыталась осмотреться по сторонам, встряхнуть головой или собрать воедино многочисленные кривые отражения Тавии, глаза охранницы стали закрываться.

Она поднесла ко рту непослушную руку.

На кончике большого пальца остался мазок черной помады.

Серая магия. Черная магия.

Стоящая напротив Тавия с печальным вздохом спрятала тюбик в карман.

– Считай, что ты покойница, – выдавила Карам.

И упала.

Глава 7

Тавия

Тавия стерла помаду рукавом и переступила через тело Карам, рывком отодвинув занавесь перед дверью в кабинет Уэсли. Прижав ладонь к дверной пластине, она подождала. Черное стекло немного помедлило, вероятно, ощущая гнев Тавии, но в конце концов неспешно отъехало в сторону.

Первое, что открылось глазам Тавии – это Уэсли, примостившийся на краю стола. В руке он сжимал какие-то бумаги, брови юноши были нахмурены. Потом она увидела кровь.

На столе Уэсли лежал нож. Тавия отчетливо поняла: посредством этого оружия он сотворил что-то ужасное. На лице смотрящего оставалось слишком хорошо знакомое ей выражение: как будто ему не понравилось, что пришлось вставать для того, чтобы кого-то пырнуть. Или, быть может, королю преступного мира не нравилось то, что теперь придется отчищать кровь с ковра.

Уэсли поправил свой галстук-бабочку, как будто тот слишком туго сдавливал ему горло. Потом нахмурился еще сильнее, глядя на новые синяки, испещрившие тело Тавии. Но когда он на краткую долю секунды встретился с нею взглядами, этого было достаточно, чтобы дать фокуснице понять: смотрящий не в восторге от того, что она не удосужилась постучаться.

– Мне нужна твоя помощь, – заявила Тавия.

Уэсли вздохнул. Однако дело было не в ней. Сейчас он совершенно не обращал на девушку внимания. Только когда его взгляд сместился, Тавия заметила: в комнате находится еще один человек. Фальк.

Неизменный крейджийский специалист по магическому оружию и заноза в заднице каждого фокусника. Трудно было понять, кому в Крейдже можно доверять, – однако легко сообразить, кому верить нельзя. Фальк был поганым пронырой. Глазами и ушами смотрящего – и любого, кто вознаградит его парой монет.

Мелкий ручной хореk Уэсли Торнтонa Уолкотта.

Он давным-давно миновал рубеж выплаты жизненного долга и явно намеревался прожить остаток жизни под сенью Кривды, выстраивая своеобразную карьеру: от согладата до следующей должности в череде тех, что отделяли Фалька от звания смотрящего.

Возможно, ему удастся стать чистильщиком обуви при Уэсли.

– Мне нужно, чтобы эти гильзы были готовы уже сейчас, – сказал Уэсли.

Фальк кивнул:

– Я знаю, о чем вы просили, но...

– О, – произнес Уэсли. Потом повторил, как будто до него только что дошло: – О! В этом-то и загвоздка. Ты думаешь, будто я *просил*.

Уэсли взял со стола ножик для вскрытия писем. Лезвие блеснуло у него в руке.

– Если ты не можешь следовать простым приказам, Фальк, я найду кого-нибудь, кто на это способен.

Тавии не требовалось видеть лицо Фалька, чтобы понять: губы у него дрожат. Ее руки сжались в кулаки. У девушки не было времени на все это.

Она снова представила себе отметину на шее мужчины. Отметину на шее Саксони. Ту самую отметину, которую фокусница так часто видела внутренним оком – в кошмарах о смерти матери. Увидеть эту язву наяву дважды за один день – это напоминало кошмарный сон. Однако Тавия понимала: проснуться ей вряд ли удастся.

Она знала, что Саксони в опасности – и будь девушка проклята, если намеревается и впредь стоять в стороне и ничего не делать. Быть может, Тавия и не смогла спасти свою маму;

быть может, она не сумеет помочь тому мужчине в камере – но свою подругу фокусница постарается вызволить из беды.

– Уэсли! – Тавия практически выплюнула его имя.

Смотрящий повернулся к ней – как будто вообще забыл о ее присутствии. Тавия заметила в уголках его глаз какое-то холодное выражение, которому не смогла найти определения. Но он сморгнул эту эмоцию и улыбнулся ей привычной хитрой улыбкой.

– Судя по твоему виду, денек удался, – сказал он. – Ты ведь не убила Карам для того, чтобы войти сюда? У меня нет времени на поиски нового охранника.

Тавия сердито взглянула на него. С каждой секундой она теряла терпение. Девушка знала, что на ее лице написано отчаяние. И Уэсли видит это. Не может не видеть.

– Фальк, – промолвил он, словно ощутив, что терпение Тавии на исходе. – Ты не оставишь нас одних?

Его ручного хорька не требовалось просить дважды.

Фальк практически выпрыгнул из кресла, мелко закивал и, пятась, вышел из комнаты. Мужчина не сводил взгляда с Уэсли и ножа для бумаг, который тот вертел в руках.

Добравшись до двери, он бросил на Тавию взгляд – слишком самодовольный для того, кто пару минут назад едва не обмочил штаны при виде канцелярской принадлежности.

Дверь за прислужником со щелчком закрылась. Девушка не отрывала взгляда от Уэсли.

– Мне нужна твоя помощь, – повторила она, делая шаг к юноше.

– Да, – отозвался Уэсли, – я тебя слышал.

Огненный амулет, который Тавия выиграла у Саксони, жег ей ребра. Хотя фокусница спрятала его под подкладкой куртки, взгляд Уэсли был устремлен именно в эту точку – будто он каким-то образом чувствовал магию.

– Саксони в беде, – сказала Тавия. – Миротражники пришли за нами. Я даже не знаю, жива ли она сейчас – если вспомнить ее поведение.

– И это все? – Уэсли сунул руки в карманы, негромко вздохнув: – Я думал, случилось что-то серьезное.

Тавия без колебаний метнула в него огненный амулет.

Уэсли быстро извернулся. Талисман пролетел мимо него, ударившись о картину позади стола. Уэсли, нахмурившись, взглянул на разгорающееся пламя.

– Мне нравилась эта картина, – сообщил он.

«Вот ублюдок!»

Тавия выхватила из голенищ каждого ботинка по ножу. Однако Уэсли лишь откинулся назад, припав к крышке стола. За его спиной пылала картина.

– Рискну предположить, что ты не в том настроении, чтобы разговаривать по-людски, – заметил он.

– Все равно все твои слова – ложь!

– А я думал, тебе нужна помощь. Станный способ просить о ней.

Тавия прищурилась. Потом прокрутила ножи в руках. Как бы ни была зла, девушка испытала крошечное облегчение от того, что не уронила их.

Она поверить не могла, что Уэсли ведет себя так равнодушно – даже после ее слов. На кону стоит жизнь Саксони. Тавия поверить не могла, насколько далеко Уэсли ушел от прежнего себя – от того, с кем она дружила. Казалось невозможным, чтобы человек мог вот так взять и вывернуться наизнанку.

Как будто едва он убил старого смотрящего, то сразу после этого – бум! – как по волшебству, парень, которого она знала, исчез. Вместо него появился кто-то другой. А может быть, Тавия просто заблуждалась. Возможно, тот парень с самого начала являлся иллюзией.

– Просто чтобы тебе стало ясно, – произнес Уэсли. – Я не твой мальчик на побегушках. Я твой смотрящий. У меня есть город, которым надо управлять. Прямо сейчас спасение твоих друзей – отнюдь не моя главная задача.

– Ты прав, – отозвалась Тавия, нацеливая ножи. – Я не в настроении разговаривать.

Она бросилась вперед, готовая, если понадобится, силой отвести Уэсли в мироучасток. Девушка ни за что не могла оставить Саксони страдать в камере, как это произошло с Дэниелом Эмильсоном.

Но Уэсли встретил ее не оружием. Юноше понадобилось не больше секунды для того, чтобы взмахом руки отправить навстречу Тавии волну магии.

Одним текучим движением руки Тавия с зажатыми в них ножами оказалась отброшена назад. Она споткнулась, выругалась и снова метнулась к нему.

Уэсли вскинул обе ладони. Девушка оказалась недостаточно быстра. Всплеск энергии охватил ее. Незримая сила обвилась вокруг плеч, словно аркан, сдавив с такой силой, что девушка едва не закричала.

Она крутанулась на месте, освобождаясь от магии. Еще не завершив разворот, фокусница метнула оба ножа. Они с лязгом упали к ногам Уэсли. Смотрящий несколько мгновений хмуро смотрел на клинки. Тавия сжала кулак и ударила, но Уэсли легко уклонился, схватив ее за запястье и выкрутив так, что в конце концов девушка едва не рухнула на колени.

– Прекрати, – потребовал он.

Тавия пыталась вырваться.

– Отпусти меня, тогда прекращу.

– Верится с трудом.

Тавия фыркнула и ударила головой назад. Когда ее затылок встретился с носом Уэсли, девушка услышала хруст и ощутила, как кровь юноши брызнула ей на шею.

Уэсли выпустил ее руку и прижал ладонь к носу. Тавия ударила снова. Однако юноша все еще был невероятно быстр, хотя кровь стекала ему на губы. Он щурил глаза, стараясь справиться с болью.

Смотрящий с силой оттолкнул Тавию, а потом перешел в наступление. Протянув руку, он схватил девушку за воротник. Когда она попыталась пнуть юношу, ее ноги словно примерзли к полу. В дело снова пошла магия. Силы давили на нее, не давая сдвинуться с места.

Точно так же они сражались в детстве, испытывая свои новые амулеты и отрабатывая приемы.

Уэсли всегда брал верх, готовый к любой атаке, которую могла применить Тавия – какими бы хитрыми эти атаки ни были. Девушка не понимала, почему ее так удивляет то, что с тех пор ничего не изменилось.

В конце концов, именно Уэсли научил фокусницу всему, что она умела.

Тавия стала лучшей в этой игре только потому, что он перестал играть.

В течение нескольких минут Уэсли продолжал держать ее за воротник. Его залитое кровью лицо находилось в нескольких сантиметрах от лица Тавии. Потом парень вздохнул, выругался и оттолкнул ее. Отойдя к своему столу, он вытащил из кармана пиджака носовой платок и прижал к носу. За спиной смотрящего все еще потрескивало пламя. Уэсли прикрыл глаза, резко выдохнул и припечатал обе ладони к столешнице.

Огонь замерцал и угас.

– Я хочу, чтобы ты хотя бы раз сказал мне честно, – заявила Тавия, переводя дыхание. Говорила она так же тихо, как и Уэсли. Девушка старалась не смотреть на кровь, размазанную по его лицу. – Хватит вранья. Просто скажи мне прямо.

Уэсли снова хлопнул ладонями по столу. Когда парень поднял взгляд на Тавию, его глаза выглядели почти черными.

– Сказать тебе что?

Впервые за много лет его голос потерял всю тщательно выпестованную изысканность, которую Уэсли всегда старался поддерживать. В интонации появилось что-то от того уличного мальчишки, каким он когда-то был. Тавия проигнорировала это. Сентиментальность до добра никогда не доводила.

– Саксони выпила тот эликсир, который ты мне дал, – сказала она. – Ты знал, насколько опасно это зелье?

Несколько мгновений Уэсли медлил. Потом вытер платком верхнюю губу. Кровь уже начала подсыхать.

– Поверить не могу, что ты явилась сюда и затеяла драку только потому, что твоя тупая подружка выпила зелье, которое даже не подумала купить.

– Ты сказал мне, что я продаю счастье! Ты солгал мне.

Уэсли выпрямился.

– Я никогда тебе не лгал.

Он сказал это так, словно верил в правдивость этого. Как будто полагал, что если не видеть очевидного, это уменьшит его вину. Может быть, Глава и наплел парню что-то. Однако Уэсли отлично понимал, что все это враки, и все равно купился на них. И теперь пытался скормить их Тавии. Старался убедить девушку, что это вовсе не ложь.

– Ты же любимчик Главы, Уэсли.

Парень мрачно сощурился.

– Он что-то замышляет, – продолжала Тавия. – И ты действительно хочешь мне сказать, будто Глава не посвятил тебя в это?

Уэсли скривил губы.

– Я не приказывал тебе давать эту магию друзьям, – напомнил он. Потом сложил окровавленный платок аккуратным треугольничком и сунул в карман. – Тебе следовало слушаться меня.

Тавия подавила яростное желание швырнуть ему в лицо еще один огненный талисман.

– Это не игра, Уэсли. Моя мать...

Она умолкла. Уэсли нахмурился. Тавия много лет почти ничего не говорила о своей матери: время от времени у нее прорывалось несколько слов; несколько слезинок, несколько ужасных, судорожных воспоминаний. Уэсли удивился, что она заговорила об этом сейчас.

– Твоя мать – что? – спросил Уэсли.

Тавия сглотнула в попытке подавить дрожь в голосе.

– Это магическая болезнь, – сказала она. – Она вернулась.

Ни одного случая заболевания не возникало так давно, что она почти сумела забыть об этой хвори. Эпидемия магической болезни разразилась, когда Тавия была еще ребенком. Недуг распространился по всей Усхании. В те времена в бедных регионах было обычным делом очищать запасы воды при помощи магии. По сути, это оказалась не столько болезнь, сколько отравление магией, в избытке накопившейся в организме. А люди, не имевшие средств на свежую воду, купались в магически очищенной воде и готовили на ней еду.

Некоторые случаи заболевания были не особо тяжелыми: счастливики отделялись головной болью и кровотечением из носа. Но если на теле появлялась отметина, надежды на выздоровление рушились. Магией нельзя вылечить передозировку магии.

Лекарства не существовало.

Спасти заболевшего было невозможно.

У него просто отказывали органы – один за другим.

Тот мужчина в камере должен был умереть из-за зелья, которое продала ему Тавия. Если и Саксони умрет, девушка не знала, что тогда сделает.

Уэсли моргнул, но и только. На его лице не отразилось ничего, кроме удивления.

– Что произошло, когда Саксони приняла эликсир? – спросил он.

– Она впала в безумие, – ответила Тавия. – Швырялась в меня магией так, будто хотела убить. Говорила что-то о голосах в своей голове. И мужчина, которому я еще до этого продала флакон зелья, рассказывал то же самое. Прямо сейчас он сидит в камере, и у него на шее эта клятая отметина. Эликсир что-то сделал у них в головах. Можно отобрать у человека многое, Уэсли, но только не разум. Разум нельзя украсть и нельзя продать.

На нижней челюсти Уэсли задергалась мышца.

– Я уже сказал тебе: я этого не делал, – произнес он. – И ты уверена, что видела эту отметину?

– Я могу узнать ее где угодно, – заверила Тавия. – И понадобился всего один флакон зелья, чтобы они заболели. Вот насколько оно сильное. Я не знаю, сможет ли Саксони оправиться – или же она прямо сейчас умирает где-нибудь в камере по соседству с тем человеком.

Уэсли слегка приоткрыл рот. Тавия заметила складку у него на лбу, но потом юноша выпрямился и придал своему лицу спокойное выражение. Сделав вдох, он шагнул было вперед, но сдвинулся всего на несколько сантиметров, а потом замер.

Уэсли ничего не сделал и не произнес ни слова. Тавия не знала, почему она ожидала от него чего-то иного.

– Саксони – не мошенница, – произнесла она. – Она не заслужила такого.

Выражение лица Уэсли оставалось отстраненным. Юноша стоял совершенно неподвижно.

– Конечно не заслужила, – согласился смотрящий. – Плохое случается только с хорошими людьми.

Тавия почти готова была поклясться, что расслышала в этих словах затаенный вздох. Это вызвало у нее желание возненавидеть Уэсли. Честно говоря, девушка всегда хотела ненавидеть его, но сейчас это желание проявилось острее, чем когда-либо прежде. У Уэсли не было ни друзей, ни родных. Тавия чувствовала себя дурой из-за того, что поверила, будто может стать ему другом.

– Я должна узнать, все ли в порядке с Саксони, – сказала она. – Если ты не поможешь мне, я просто сделаю это сама. Я сожгу мирочасток дотла, лишь бы освободить ее.

Тавия развернулась. Куртка парусом вздулась у нее за спиной. Но не успела девушка сделать и шага, как Уэсли дернул ее назад – он был проворнее любого фокусника.

Девушка посмотрела на свое запястье, плотно охваченное его сильными пальцами. Уэсли холодно, оценивающе взирал на нее. Фокусница всматривалась в юношу в поисках какого-нибудь знака, свидетельствующего о его намерениях. Подергивания мышцы на челюсти, медленного движения кадыка, когда он сглотнет сухую – быть может, во рту у смотрящего так же сухо, как у самой Тавии. Выражения вины или чувства ответственности за то, о чем он только что узнал.

Как обычно – ничего.

Уэсли из тех книг, которые всегда оставались закрытыми.

Когда-то он был просто мальчишкой – таким же фокусником, как Тавия. Они росли, изучая одни и те же трюки и вместе создавая мошеннические устройства. Даже когда Уэсли привлек внимание прежнего смотрящего и стало ясно, что он выбрал преступную карьеру, Тавия продолжала тешить себя мыслью о том, что они навсегда останутся друзьями. Родными друг другу. Что где-то под жесткой оболочкой всегда будут сохраняться потаенные останки морали. Но взбираясь на самый верх, Уэсли оставил Тавию позади и внизу. Вскоре девушка поняла: его оболочка вовсе не была скорлупой, под которой смотрящий что-то скрывал. Это оказалась просто грязная корка – засохшая глина с тех могил, которые он вырыл во имя Главы.

Тавия медленно убрала руку Уэсли со своего запястья. Несколько мгновений он смотрел на нее. Потом равнодушно сунул руку в карман.

– Угрозы – это все равно что обещания, – произнес он. – Не кидайся угрозами, которые не в силах исполнить.

– Я не оставляю Саксони умирать вот так!

Уэсли вздохнул. Татуировка у него на шее дрогнула.

Тавия представила себе широкие линии, которые тянутся до самых кончиков его пальцев, растекаются по груди и огибают шрам на плече. Здания и улицы Крейдже, густо-синими чернилами изображенные на его коже. Фокусница вспомнила, как юноше накалывали эту татуировку – она присутствовала при этом. Они оба тогда были еще детьми. Тавия, затаив дыхание, следила, как на его спине вырастает город.

– Хорошо, будь по-твоему, – сказал Уэсли. – Мы пойдем спасать твою подружку.

Потому что, похоже, никто не был готов окончательно разорвать последнюю тонкую нить дружбы, которая все еще связывала их.

Глава 8

Уэсли

Уэсли не любил людей – многие из них постоянно пытались его убить. И юноше казалось немного странным спасать кого-то из тех, кто желал ему смерти. Быть может, Саксони и была подругой Тавии, но к поклонницам самого Уэсли девушка явно не принадлежала.

Разгорался день. Ночь соскальзывала с небес, точно шелковое покрывало с кровати. В такое время город больше всего нравился Уэсли: когда было еще недостаточно светло, чтобы озарять все злые и несправедливые деяния, которые здесь вершатся. В утреннем свете Крейдже выглядел истинной обителью всех чудес и ужасов, собранных с разных концов света.

Уэсли посмотрел на мироучасток. Тот, вероятно, можно считать одним из самых унылых зданий в городе. Оно было окрашено желтой краской – когда-то, давным-давно. Сейчас эта краска осыпалась с внешних стен, шла трещинами вокруг окон и была покрыта грязными потеками ближе к пологой двускатной крыше.

Оно располагалось за мостом, разделявшим город. Здесь мечтатели резко трезвели, а небо над крышами становилось цвета застарелой ножевой раны. Сюда никогда не ходили туристы, потому что в ущельях мертвых улиц царила темнота – даже когда солнце стояло в зените. И эту темноту нарушали лишь вспышки магии и огоньки сигарет.

После наступления ночи мало кому захочется пересекать мост. Однако если вам нужно это сделать, лучше держитесь подальше от ущелий.

У входа в участок торчало несколько миростражников. Они мрачно взирали на Уэсли. Их руки уже тянулись к талисманам подавления, подвешенным к ремням. Уэсли повернулся к Тавии. Стена, за которой прятался призрак его бывшего «я», сейчас стала еще выше, чем когда бы то ни было.

– Стой сзади и молчи, говорить буду я, – бросил он девушке. Тавия закатила глаза и прошла мимо Уэсли, направляясь вперед – как будто и не слышала его слов.

Упаси ее Сонм Богов слушать его речи.

Когда они вошли в участок, время словно остановилось. Все миростражники, сидящие за рабочими столами, подняли головы. Те, что куда-то шли, замерли на полушаге. Они словно ощутили особого рода неприятность, которая только что вошла в здание и которую там вовсе не ждали.

– Что ты там сказал насчет «стой и молчи»? – спросила Тавия. – Если бы взгляды могли убивать...

Уэсли поправил лацканы пиджака.

– Мы не сделали ничего плохого при входе сюда.

Конечно, это являлось правдой. Однако сейчас он далеко не был в этом уверен – едва ли не все миростражники Крейдже смотрели на юношу весьма недобрыми взглядами. И все же обязанностью Уэсли как смотрящего было проследить, чтобы закон и те, кто этот закон нарушает, продолжали сосуществовать в гармонии. Парень вполне мог это обеспечить: не зря же он пополнил карманы такого количества миростражников.

Возможно, они и ненавидели его – но совесть у стражников была не так уж чиста.

– О, вы только посмотрите, – послышался чей-то голос. – Это же щедрый молодой смотрящий!

Человек, сказавший это таким мягким тоном, какой вряд ли можно ожидать в приемной мироучастка, вышел вперед и одарил Уэсли приветственной улыбкой.

Уэсли немного способно удивить – и менее всего люди, которых можно было встретить в мироучастке. Благодаря своему легиону шпионов и доносчиков он знал почти все тайны

Крейдже. И все же юношу застало врасплох появление перед ним вице-дуайена страны, за спиной которого маячил телохранитель.

– Мы ожидали вас, мистер Торнтон Уолкотт, – продолжил вице-дуайен Краузе.

– Это объясняет столь теплый прием.

– О, уверяю вас, мы все польщены тем, что наконец-то воочию узрели смотрящего Крейдже.

Уэсли поправил галстук.

– Предположительно смотрящего. Я здесь лишь затем, чтобы забрать кое-кого. Я и не знал, что окажусь в столь почтенной компании.

Краузе поправил свои очки.

– Жаль, что не могу сказать то же самое.

Несмотря на дружелюбный тон, держался он высокомерно. Это отнюдь не внушало Уэсли симпатии к вице-дуайену. Армин Краузе был политиком с головы до пят. Это заметно не только по его строгому костюму. У него был такой вид, словно ему никогда не приходилось испытывать чего-либо ужасного в жизни, и все творящееся на свете зло мужчина наблюдал лишь опосредованно – через людей, которых он не знал и знать не хотел, однако испытывал к ним искреннее сочувствие.

– Саксони работает в Кривде, – объяснил ему Уэсли. – Она моя подчиненная, и я хотел бы получить ее обратно.

– Я думал, что вы можете это сделать, – отозвался Краузе. – Но она все еще в лечебном изоляторе. Оправляется от некоего маленького заклинания.

Похоже, вице-дуайен считал это смешной шуткой.

– С ней все будет в порядке? – спросила Тавия. – Магическая болезнь не...

Краузе поднял руку.

– Она без сознания, однако с ней все будет хорошо. Воздействие было слабым. Магическая болезнь не прогрессирует, несмотря на появление отметины. Пара дней отдыха – и она поправится.

Тавия с облегчением выдохнула.

– Мне нужно увидеть Саксони.

– Боюсь, это невозможно. Я получил от дуайенны Шульце строгий приказ: при любом случае магической болезни держать больного на карантине, пока симптомы не исчезнут.

– Эта болезнь не заразна, – напомнил Уэсли, но Краузе не нуждался в напоминаниях.

– Когда речь идет о черной магии, предосторожности всегда необходимы.

Тавия шагнула вперед. Взгляд Уэсли скользнул по ее наряду – он знал, что в многочисленных карманах и неприметных разрезах этой куртки скрываются ножи.

– Я хочу увидеть свою подругу, – заявила Тавия. – И вы не останбвите меня, несмотря на ваш красивый галстук.

Уэсли вовсе не считал галстук вице-дуайена красивым.

Телохранитель Краузе слегка отклонился в сторону. Уэсли не понравился жест, которым этот тип потянулся к своему поясу.

– Отойди назад, фокусница, – прорычал телохранитель.

Тавия бросила на него сердитый взгляд, явно намереваясь сказать что-то в ответ – вероятно, это привело бы к тому, что девушка тоже оказалась бы в камере, а столь интригующий разговор не получил бы продолжения. Но Уэсли оттеснил ее назад.

– Скажите, – обратился он к ровным швам костюма Краузе, – а дуайенна страны тоже здесь?

Хотя Уэсли еще не встречался с дуайенной Шульце лично, так сложилось отнюдь не из-за отсутствия желания. Она создала себе определенную репутацию, произнося на всех собраниях речи против черной магии и разработав программу помощи зависимым от магии, кото-

рых в просторечии именовали «магбליками». По всей Усхании на стенах рисовали портреты дуайенны: с торжественно воздетыми руками и подписью «Шульце за светлую страну». Она установила награду за сведения, ведущие к аресту смотрящих. Шульце основала хранилища, куда люди могли сдать свои темные амулеты – и при этом их никто ни о чем не спрашивал.

С момента своего избрания дуайенной Фенна Шульце взяла на себя задачу положить конец бизнесу Уэсли. И это делало всю ситуацию несколько более интересной.

– Дуайенна Шульце все еще находится в Йеджлате, – сообщил Краузе.

Это был один из более мелких центральных городов Усхании. Там неизбежно возвышались Палаты Правительства, и законы чаще издавались, чем нарушались. Все официальные лица работали там. Большинство из них вдобавок жили в этом городе, отчего местечко так и кишело политиками с неодобрительно поджатыми губами.

Уэсли было немного жаль Грету, смотрящую Йеджлата. Должно быть, ей приходилось тяжело скрываться в тених, когда улицы города были так хорошо освещены.

– Дуайенна слишком занята, чтобы тратить время на осмотр всех жертв вашей магии, – продолжил Краузе.

– А вы, судя по всему, нет?

Краузе слегка прищурился. Уэсли не смог удержаться от улыбки.

– Мне странно, что она послала сюда своего заместителя ради столь тривиального случая.

Под словом «странно» Уэсли подразумевал также «меня это раздражает». Он не любил последним узнавать о чем бы то ни было. По сути, юноше не нравилось узнавать о чем-то и самым первым – особенно если это происходило в его городе.

– Вы не сможете забрать эту девушку, – отрезал Краузе. – Ее будут судить по всей строгости закона за нарушение уложений о темной магии.

– Ей плохо, – возразила Тавия. – Вы не можете держать ее взаперти.

Краузе вздернул подбородок.

– На самом деле, я могу делать все, что захочу.

Он коротко и насмешливо улыбнулся Тавии. Уэсли стиснул зубы. Но сейчас не время гневаться – время искать возможности.

– А если я предложу вам сделку? – поинтересовался Уэсли.

– У вас нет ничего, что мне бы пригодилось, смотрящий.

Уэсли придвинулся к Краузе поближе, чтобы его шепот не мог расслышать никто со стороны.

– Это не совсем так.

Телохранитель нервно сглотнул, однако не осмелился пустить в ход оружие или хотя бы притвориться, что сейчас это сделает. Пусть Краузе и являлся вице-дуайеном, но Уэсли – смотрящий, а Крейдже был его городом.

– Вы отдадите мне то, что я хочу, – спокойно и тихо продолжил Уэсли, – а я поднесу вам Данте Эшвуда на блюдечке.

* * *

Уэсли никогда прежде не бывал в комнате для допросов и слегка стыдился этого. Это считалось чем-то вроде необходимой ступени на пути к званию смотрящего, и он перескочил через эту ступень.

И все же отчасти парень был признателен за это. Помещение оказалось холодным и серым: сплошной грязный цемент, впитавший запах отвратительного кофе.

– Это действительно единственное место, где мы можем поговорить наедине? – спросил Уэсли. Он постучал по металлическому стулу. – Я мог бы потребовать хотя бы мягких сидений, учитывая мое щедрое предложение.

Тавия забросила ноги на стол.

– Я чувствую себя совсем как дома, – заявила она.

Краузе снял очки и начал протирать их безукоризненно-белым носовым платком. Быть может, он пытался тем самым избавиться от вида смотрящего и фокусницы, которые нагло сидели перед вице-дуайеном без наручников и оков. Или, возможно, он просто не желал созерцать грязь на башмаках Тавии.

– Вы сказали, что хотите потолковать без лишних глаз и ушей, – напомнил Краузе. – Прошу прощения, что не смог приготовить для вас банкет.

– Извинения приняты, – отозвался Уэсли.

Краузе резко выдохнул:

– Я был бы благодарен, если бы вы больше не оскорбляли меня, подбрасывая нам подобные загадки.

– Это не загадка, – возразил Уэсли. – У Главы действительно появилась новая магия. Именно ею и вызвана болезнь Саксони.

Тавия широко раскрыла глаза и повернулась к Уэсли. Лицо девушки стало еще бледнее обычного. Но первым заговорил Краузе:

– Да, мы это знаем. Она – не первый случай.

Это уже становилось интересным.

– Значит, Шульце послала вас в Крейдже, чтобы наблюдать за этой ситуацией, – сделал вывод Уэсли. Тавия встала и сдавленно рассмеялась.

– Послушайте, давайте вернемся немного назад. Такой вещи, как новая магия, не существует.

И она по-своему была права.

Существовала одна-единственная раса людей, которая могла изменять законы природы и создавать новую магию, сплетая слова в заклинания и вызывая бури среди ясного неба.

И предполагалось, что вся эта раса исчезла.

Ни новой магии, ни Мастеров никто не видел вот уже более пятидесяти лет по одной простой причине: Война Эпох. Кровавое восстание, после которого остались лишь жалкие крупички прежде созданной магии, путешествующие из одной страны в другую в новых обертках.

Именно поэтому магия казалась чем-то пленительным и особенным, потому что в любой момент даже эти жалкие огрызки могли полностью исчезнуть.

– Будем рассудительны, – продолжила Тавия. – Ты хочешь сказать, что Эшвуд откопал Мастера, прятавшегося под каким-то камешком?

– Земля большая, камней в ней много, – отозвался Уэсли.

У Тавии отвисла челюсть.

– И ты знал об этом?

Уэсли почти услышал, как фокусница заскрежетала зубами.

«Она не понимает. И никогда не сможет понять».

Уэсли надавил на свои запонки, пытаясь заглушить этот голос.

По сравнению с его темной кожей рубашка Уэсли казалась белоснежной. Краузе с любопытством взирал на юношу.

– Я знал, что Эшвуд что-то задумал, – сказал Уэсли. Он старался говорить спокойным тоном, но его голос все равно был похож на острие ножа. – И теперь я знаю, что именно. Он уничтожит весь город этой своей новой магией, если мы ему позволим. Эшвуд рассматривает борьбу дуайенны Шульце против магии как атаку против него лично. И он готов сражаться.

Краузе поерзал на месте. Он пытался скрыть потрясение, однако застывшее выражение лица и немигающие глаза выдавали мужчину.

Все знали, что Эшвуд злодей, но, похоже, политики во главе страны не считали его достаточно безрассудным для прямого нападения на дуайенну. И это означало, что они совершенно не знают Эшвуда.

В отличие от Уэсли.

– Мы можем справиться с Эшвудом сами, – заявил Краузе. Это был настолько явный блеф, что Уэсли промолчал, позволив словам просто повиснуть в воздухе.

Он ждал, небрежным движением забросив в рот стебелек клевера. Парень смотрел, как растёт раздражение Краузе.

Магия клеверного листа была слабой, почти несущественной. Она могла дать человеку не более десяти минут удачи. Но Уэсли просто нравился этот вкус. Вяжущая терпкость, словно у незрелого лимона. Он практически вырос на этом вкусе. При мысли об этом смотрящий осознал, насколько странно звучат слова о том, что он вырос на чем-то – как будто люди были растениями, которые цеплялись за любую возможность выжить; карабкались вверх, не в силах расти без надежной и постоянной опоры.

Уэсли не особо любил постоянные величины. Они не представляли интереса, не доставляли сюрпризов и были довольно опасны тем, что заманивали людей в ловушку повседневно-сти. Впрочем, Крейдже был исключением. Это та постоянная величина, которую любил Уэсли.

Краузе опять заерзал. Когда Уэсли почувствовал, что терпение вице-дуайена на пределе, он наконец заговорил:

– Чушь. Я нужен вам. У вас нет выбора.

Краузе раздул ноздри.

– Только Консортесса Главы знает, где он находится. А я единственный, кто знает, где находится Консортесса, – продолжил Уэсли. – И к тому же у меня одного есть доступ к Консортессе. Я единственный, кому верит Эшвуд. И я явно единственный в этой комнате, у кого есть хоть капля мозгов.

– Эй, – вмешалась Тавия, – аккуратнее!

– Вы годами пытаетесь поймать Эшвуда, – напомнил Уэсли, все так же обращаясь к Краузе. – А сейчас его магия сильнее, чем когда-либо. Использовать Мастеров было незаконно даже до войны, но все эти забавные новые законы, принятые в мире после нее, дабы защитить их... Он не обращает на эти законы никакого внимания. У вас нет другого выбора, кроме сотрудничества со мной.

– И что вы получите с этого? – осведомился Краузе. – Почему вы вдруг обратились против него?

Ответ был прост: потому что Крейдже стал для Уэсли домом. Он слишком много времени потратил на обустройство этого города, чтобы сейчас позволить его разрушить. Крейдже считался чудом Северной Усхании. Его мостовые блестели серебром от просыпанной магической пыли. Уэсли испытал ни с чем не сравнимые чувства, когда занял должность смотрящего и сделал этот город своим.

Глава украл и уничтожил очень многое, в том числе и множество жизней. Уэсли просто стоял и смотрел, как это происходит. Время от времени он даже помогал Эшвуду. Но сейчас речь шла о родном доме Уэсли – единственном доме, который у него остался. Он был готов отдать за этот дом и деньги, и магию, и остатки человечности.

Иногда Уэсли казалось, что он не просто родился в Крейдже, а создан из этого города. Лучшие и худшие части родного места приняли форму человека – и этим человеком являлся он сам.

Уэсли ни за что не позволил бы Эшвуду отобрать у него все. Юноша не допустил бы, чтобы тирания старика растоптала этот город.

– Полагаю, во мне проснулось человеколюбие, – произнес Уэсли. Краузе сухо рассмеялся:

– Когда Эшвуда не станет, необходимость в смотрящих отпадет. Вы сами роете себе яму.

Эта мысль уже посещала голову Уэсли.

Дуайенна Шульце хотела изгнать черную магию из Усхании. Она желала убрать Данте Эшвуда не меньше, чем этого хотел сам Уэсли. Но всегда существовал шанс, что правительница пойдет дальше первоначальной цели.

Сейчас она воюет с черной магией. Но что, если завтра Шульце обратится против всей магии вообще?

Шульце вселяла в сознание людей легкую паранойю: сомнения в том, какая магия правильная, а какая может считаться неправильной. Да, дуайенна сделала улицы более безопасными и тем самым завоевала некое доверие. Это заставляло Уэсли беспокоиться: а что, если она в конечном итоге желает превратить Усханию в какое-нибудь научное государство – наподобие Навстрио, где магию отвергли в пользу науки и техники? Парень явно не захочет жить в таком мире.

Уэсли сунул руки в карманы – в знак того, что следующее его предложение не следует скреплять рукопожатием. Оно не подлежало торгу. Существовал единственный способ надежно защитить Крейдже и сохранить его таким же полным чудес, каким он был сейчас.

«Ты, как обычно, умен, мой мальчик», – проворковал призрачный голос.

– Я хочу, чтобы вы дали слово, – произнес Уэсли, – что когда я свергну Эшвуда, я стану Главой.

Тавия, сидящая рядом с ним, замерла. Уэсли заставил себя не смотреть на нее.

– Зачем нам менять одного мошенника на другого? – поинтересовался Краузе.

– Я – меньшее зло. – Уэсли пожал плечами. – И я хочу обсудить условия для создания городов, свободных от темной магии. Я ослаблю свою хватку, если Шульце ослабит воинственный пыл и сочтет кое-какую магию законной в нашей стране. Она может сыграть в эту игру, как делают другие дуайены, и притвориться, будто ничего не было.

Краузе с протяжным вздохом откинулся на спинку стула.

Уэсли требовалась только свобода действий. Чтобы у него на хвосте не висели миростражники; чтобы парню не грозило постоянное преследование со стороны закона за все, что произошло с тех пор, как он встал на этот путь. Только некоторые поставки и то, что поможет Уэсли разорвать порочный круг, прежде чем зелье Главы хлынет на улицы и превратит их в пепел.

Краузе, похоже, размышлял над этим. Однако, насколько знал Уэсли, у официальных властей не хватало ни хитрости, ни связей для того, чтобы низвергнуть Эшвуда. Политики не были подготовлены к тому злу, которое ожидало их впереди – как бы они ни бравировали, пытаясь убедить его в обратном.

А вот Уэсли был готов.

Он знал Эшвуда. Знал весь потенциал нынешнего Главы. Это давало Уэсли исключительную возможность положить всему конец.

– Хорошо, мистер Торнтон Уолкотт. – Краузе подался вперед и облокотился на стол, сплетя пальцы. – Я поговорю с дуайенной Шульце и посмотрю, сумею ли убедить ее подписать это маленькое соглашение. Однако поставлять армию смотрящему мы не намерены. Это переросло бы в политический кошмар – особенно в том случае, если мы проиграем или если вы предадите нас и каким-либо образом поработите наших солдат. Все должно оставаться в строгой тайне. Только ваши люди, только ваши действия.

Уэсли кивнул:

– Несомненно.

– Тогда, если мы обсудили наши намерения и цели, полагаю, дело решено, – подытожил Краузе. – Вы убиваете Данте Эшвуда и прекращаете распространение его новой магии, а мы позволяем вам занять его место.

Он протянул ладонь. Уэсли молча пожал ее с ленивой улыбкой. Смотрящий чувствовал, как девушка-призрак в его голове с нетерпением и восторгом глядит в будущее.

«Так много крови впереди!»

Уэсли задержал руку Краузе в своей ладони и заставил призрачную советницу убраться в самый дальний угол его разума.

Он гадал: что, если после убийства Главы голос исчезнет навсегда? Уэсли очень на это надеялся.

Глава 9

Саксони

Саксони Акинтола не пользовалась своим настоящим именем, когда работала в Кривде. Поэтому девушка слышала это имя лишь в разговоре со своими родными, оставшимися в Ришии. Если это была беседа с отцом, Саксони лгала, будто переезд в Крейдже стал лучшим, что она могла сделать – поскольку девушка зарабатывает хорошие деньги, а все ее коллеги относятся к ней хорошо, честное слово. Кроме того, по имени к ней обращалась Тавия. Подруга произносила его с характерной усмешкой фокусницы. Или же Карам – проявляя таким образом нежность. Но Саксони почти всегда вздрагивала при звуке своего имени от Карам – она ненавидела то, каким мягким становился при этом голос охранницы. Их отношения будто сглаживали острые углы в характере Карам. Но именно эти острые углы и нравились Саксони. Лишь они могли обеспечить человеку безопасность в Крейдже. В итоге через некоторое время Карам перестала называть ее по имени.

Теперь Карам избегала вообще как-либо называть Саксони. Даже по прозвищам, хотя сама девушка была бы совершенно не против. Охранница никогда не произносила и то имя, которым Саксони пользовалась в Кривде и терпеть его не могла.

Девушки избегали прямых взглядов, но это уже было совсем другое дело.

Для всех остальных Саксони звалась Бренди. Напиток любили многие. Она обнаружила, что с таким именем может заработать неплохие чаевые: всякий раз, когда кто-то в зале выкрикивал: «Бренди!» – девушка с полным правом могла проследовать на зов.

И кроме того, прозвище «Самогонка» уже было занято.

По этим причинам Саксони никогда не слышала, чтобы ее имя звучало так часто, как в этот день.

«Саксони, с тобой все в порядке? Ты меня слышишь?»

«Саксони, давай я тебе помогу».

«Саксони, выпей воды».

«Саксони, ложись и отдохни».

Она очень любила Тавию и была признательна, что находится уже не в мироучастке, а дома. Но при этом Саксони обрадовалась, когда Тавия наконец ушла и оставила ее в покое.

Особенно потому, что еще раньше покинул девушку Уэсли. Юноша помог Тавии проводить Саксони до дома, а потом шмыгнул в угол, словно не знал, как в такой ситуации положено вести себя нормальному человеку, а не смотрящему.

Саксони растянулась на диване и потеряла голову.

Ей стало намного лучше. Однако в затылке по-прежнему пульсировала боль, которая не оставляла Саксони с того момента, как она очнулась в мироучастке.

Ощущения становились неприятными. Именно поэтому Саксони в минувшие часы старалась не шевелиться.

Вздыхнув, девушка положила на ладонь хрустальный шар. Из неяркого сияния на нее посмотрела ее бабушка.

Амджа Саксони была достаточно стара, чтобы помнить Войну Эпох. Шрамы на лице женщины переплетались с глубокими морщинами. Ее улыбка в солнечном свете казалась слегка печальной. Волосы у *амджи* были великолепного оттенка темной стали – почти одного цвета с глазами, сияние которых свидетельствовало о немеркнувшей памяти, что хранит тысячи историй и глубокое знание магии.

Саксони любила ее больше, чем кого-либо еще в мире, ведь матери у девушки больше не было.

– Должно быть что-то еще, – настаивала *амджа*.

– Ничего нет. – Саксони поморщилась, когда пульсация в голове усилилась. – Я делаю все, что в моих силах, *амджа*, клянусь.

– Но этого недостаточно.

Тон *амджи* был напряженным. Бабушка не намеревалась быть грубой, да и Саксони знала, что устами бабушки вещает страх, однако слова все равно ранили, словно обвинение в чем-то ужасном.

– Ты уже долго пробыла в Крейдже, – продолжила *амджа*. – Иногда я беспокоюсь о том, что ты могла стать слепа к некоторым вещам. Порою мне кажется, что мы потеряли тебя, когда потеряли Зекию.

Сердце Саксони замерло при упоминании о младшей сестре.

Зекия пропала три года назад. Это стало причиной всего, что затем последовало, – причиной визита Саксони в Крейдже. Тогда она была благородной – по крайней мере, в какой-то степени – и невинной в том смысле, в каком это совершенно недопустимо здесь.

Саксони лишь хотела найти свою пропавшую сестру и собрать воедино разлученную семью. Однако в итоге девушка так и осталась здесь, движимая отчаянием и местью. Стала шпионкой смотрящего.

Она намеревалась узнать все, что сможет, о Данте Эшвуде и его слабостях. Сделать так, чтобы торговля магией никогда больше не причинила вреда родным. Это был долг Саксони: держать ухо востро и защищать свой народ даже на расстоянии, наблюдая за тем, как мошенники убивают и предают друг друга. И это было нормально – даже хорошо, – пока ее народ оставался в безопасности. Быть может, после войны все остальные забыли и продолжили жить дальше. Вернулись к тому, что смогли сберечь на пепелищах сражений. Они заново строили свое существование и о прошлом вспоминали лишь смутно – словно это все дурной сон, а не что-то, случившееся на самом деле.

Но эти люди не являлись Мастерами.

Они не провели пятьдесят лет, скрываясь в тени.

Старые Рода все еще помнили. Память семьи Саксони все еще не угасла. Их война не была окончена.

– Я отправляю доносы миротражникам Шульце, – поделилась Саксони. – Они забирают фокусников с улиц, как забрали меня. Уэсли поддерживает все это дело, а если его поддерживает Уэсли – значит, поддерживает и Глава.

– Ты должна быть осторожна, – напонила *амджа*. – Если Данте Эшвуд и его смотрящий обнаружат твою истинную сущность, ты окажешься в великой опасности.

– Я всегда осторожна, – отозвалась Саксони.

И это по-своему являлось правдой.

Саксони была достаточно осторожна и доверила свою тайну только Карам и больше никому. Потому что Карам была воительницей из древнего рода, всегда защищавшего народ Саксони. И когда стало ясно, что Карам слишком многое извлекает из сосредоточенности Саксони на главной задаче, та постаралась благоразумно держать охранницу на расстоянии. Не слишком большом – ведь Карам оставалась Карам. Было больно прекращать отношения с нею окончательно, однако Саксони пыталась.

Она также соблюдала все предосторожности при передаче доносов миротражникам и тщательно следила, чтобы в эти ночи Тавия не работала на улицах – а если и работала, то на другом конце города. Подальше от того района, куда направлялись с облавой стражники.

Саксони была неизменно осторожна со всем и со всеми, кроме себя самой.

– Расскажи мне побольше об этом зелье, – попросила *амджа*.

– Оно было странным, – ответила Саксони. Никакое другое определение в голову не приходило. – Я не могу сказать точно, чем оно так выделяется, но ничего подобного я никогда

в жизни не чувствовала. В моей голове звучали голоса, *амджа*. Они приказывали мне делать ужасные вещи. До меня доходили слухи, что это может оказаться новой магией.

Саксони не осмелилась сказать, что эти слухи сообщила Тавия. Девушка ни разу за все три года, что жила в Крейдже, не упоминала имени подруги. *Амдже* не следовало знать, что Саксони дружит с кем-то, кто торгует темной магией и заигрывает с определениями «добро» и «не совсем добро». Саксони не ведала точно, как бы *амджа* поступила с этими сведениями – и не хотела знать.

Точно так же уроженка Ришии не поведала Тавии о том, что она, Саксони, не просто девушка, работающая в Кривде и выполняющая все приказы Уэсли, а настоящая Мастерница, которая скрывается у всех на виду и следит за мошенниками Крейдже в ожидании новой войны.

Одному Сонму Богов ведомо, как бы отреагировала на это Тавия.

Саксони лгала почти всем. Это не дало девушке почти ничего.

– Если зелье Эшвуда – это новая магия, то мы обречены, – сказала *амджа*. – Если он снова собирает Мастеров, для нас не осталось безопасных мест.

Саксони не хотела думать об этом. Однако мысль о том, что Война Эпох велась впустую, что страдания, которые пришлось вынести ее *амдже* и несметному количеству иных Родичей, оказались напрасными... эта мысль была слишком ужасной, чтобы ее удалось игнорировать.

Прошло пятьдесят лет с тех пор, как подпольная торговля магией в мире стала организованной. Самые могущественные преступники поделили власть над этой организацией, собирая Мастеров, словно ценные диковины. С тех пор эти люди стали Главами, которых не могли остановить ни дуайены, ни принимаемые ими законы.

Война казалась единственным выходом.

Великие сражения прогремели во всех четырех странах – даже в немагическом Навстрио, когда Мастера восстали и объявили войну преступникам, которые желали использовать их. Эта война привела народ Саксони к уничтожению. Ее выжившие сородичи поклялись впредь жить под покровом тайны, защищаясь от мира. Но несмотря на то, что ее народ скрылся от людских глаз, магическая торговля продолжала процветать благодаря амулетам от Мастеров. Прежних Глав сменили новые, еще более жестокие.

Симран из Рениаля.

Аурелия из Волю.

Но не Эшвуд.

Данте Эшвуд из Усхании, каким-то образом ставший бессмертным за все грехи, сохранил свое положение и власть.

– Я могу ошибаться, – продолжила Саксони. – Слухи есть слухи – и ничего больше. Эликсир слегка спутал мои мысли, словно отравы. Но это все, что я сейчас могу сказать о нем точно.

Амджа кивнула, мрачно улыбаясь.

– Просто будь осторожна в своих поисках, – предупредила она. – Я не могу потерять и тебя тоже.

Саксони провела пальцами по поверхности шара – по лицу бабушки.

– Это не нам следует бояться, – заявила девушка, – а им. Им лучше бояться нас.

И она имела в виду именно это.

Саксони уже потеряла слишком много. Ей довелось увидеть смерть своей матери и младшего брата – а ведь тогда уроженка Ришии была лишь ребенком. А потом исчезла Зекия. Ее семья оказалась разрушена. Народ скрывался. Иногда мир становился слишком тесным для Саксони. Временами казалось, что цепляться уже больше не за что. Но если девушка потеряла все, то, несомненно, остается лишь обретать что-то новое – или возвращать прежнее.

А Саксони желала очень и очень многого.

Мира. Справедливости. Мести.

– *Амджа...* – начала было Саксони, но тут кто-то постучался – нет, заколотил изо всех сил – в ее дверь.

Отчаянно и громко. С такой силой, что Саксони не сомневалась: соседи этого не одобрят.

– *Амджа*, – повторила Саксони, когда стук усилился, – мне нужно идти.

Прежде чем бабушка успела ответить, Саксони пробормотала короткое заклинание разрыва связи. Затем спрятала хрустальный шар за коробкой со старыми магическими фокусами, хранившейся в буфете.

Саксони не знала, кого ожидала увидеть за дверью, но когда открыла и увидела перед собой Карам, ее сердце забилося немного быстрее.

Карам была по обыкновению прекрасна и очень-очень сердита.

– Я слышала, что тебя арестовали, – произнесла она. – Кого мне убить?

Саксони ухмыльнулась и распахнула дверь пошире, чтобы впустить девушку в комнату.

Она изо всех сил пыталась выкинуть из головы навязчивые слова и сосредоточиться на складке, залегшей между нахмуренных бровей Карам. Они же продолжали звучать в ее разуме, словно некое заклинание. Снова и снова – пока ничего больше не осталось.

Мир.

Справедливость.

Мечь.

Глава 10

Уэсли

– Ты совсем рехнулся, – заявила Тавия.

Уэсли стоял перед ее домом, задумчиво изучая выщербленную дверь – по сути, это был просто кусок черного дерева, криво привинченный к дверной раме в совершенно неожиданных местах.

Можно было смело сказать: Тавия жила не в самой лучшей части города. В Крейдже имелись дыры достаточного размера, чтобы в них могли провалиться люди. Эти дыры маскировались под улицы, однако запах магии многое говорил тем, кто разбирался в этом деле.

Уэсли понимал – и потому ему ничего не стоило заявить, что Тавия обитает в настоящей дыре.

В ее дыре, конечно же, был дом. Но это все равно дыра. Она таилась среди небольшого скопления дешевых казино и баров, которые не могли сравниться с Кривдой ни по притягательности, ни по накалу страстей. Мрачная половина города по другую сторону моста: крошечные витрины здесь теснились бок о бок, а фонари светили странным оранжевым светом.

Общежития фокусников выглядели куда роскошнее и красивее – Уэсли следил за этим. Там были высокие сводчатые переходы и потолки с черненными балками, в то время как жилье Тавии было менее... ну, оно просто меньше. Однако она переехала сюда из общежития, как только Уэсли занял свою должность – вероятно, девушке не хотелось находиться перед ним в долгу.

– Знаешь, мне кажется, нам следует обсудить твое жалованье, – произнес Уэсли. Тавия непонимающе посмотрела на юношу.

– Что тут обсуждать? Просто повысь его.

– Хороший заход. Ты собираешься пригласить меня в дом?

Тавия распахнула дверь настежь с такой силой, что Уэсли пришлось выставить руку – иначе та ударила бы его прямо в лицо. Это с трудом можно назвать приглашением, но он все равно прошел в дом вслед за Тавией.

– Ты могла бы, по крайней мере, обзавестись ковриком у двери, – заметил он.

– Ты боишься занести грязь в мое жилище?

– Да нет, просто кто знает, что я вынесу отсюда на подошвах, когда буду выходить.

Этой фразой он хотел ослабить витавшее в воздухе напряжение. Но Тавия лишь взглянула на юношу так, словно ей хотелось убить его.

Сильнее, чем обычно.

– Просто не тяни и скажи мне, ради чего ты затеял это представление в мироучастке, – сказала она. – Тебя что, по башке стукнули или как?

Уэсли расстегнул пиджак и сел.

– С Саксони все в порядке? – поинтересовался он. – Ты долго оставалась с ней после моего ухода?

Тавия нахмурилась:

– Ты неплохо притворяешься, будто тебе есть до этого дело. Но повторяю: не тяни.

Уэсли неизменно удивлялся тому, как она сразу переходила к сути вопроса, отбрасывая запутанный клубок проблем, в которых не любила копаться. Девушка сразу добиралась до корней. Тавия отсекала неразбериху, сопровождавшую любую жизнь, и оценивающим взглядом смотрела насквозь, приступая к чему-то простому, что составляло сердцевину этой неразберихи.

– Ты знаешь, существует такая вещь, как тактичность, – напомнил Уэсли. – Ты не могла бы ей овладеть?

Тавия снова бросила на него непонимающий взгляд. Смотрящий вздохнул.

– Мои слова были сказаны Краузе всерьез. Остальные дуайены имеют свою долю и свой интерес от торговли черной магией в их странах, но Шульце слишком чистенькая, чтобы играть в эти игры. Поэтому Эшвуд намерен убрать ее с доски. В следующем месяце, когда покажется тень-луна, он намерен использовать власть этой луны для усиления магии Мастеров, которых собрал у себя.

Скептицизм застыл на лице Тавии.

– Эшвуд никогда не сможет перевернуть это. Ему потребовалась бы... – Она умолкла, поблбднбв.

– Целая армия, – закончил за нее Уэсли. – Солдаты, готовые умереть за его дело. Как ты и говорила, эта магия пробирается в головы к людям.

– А болезнь? – спросила Тавия. – Как он сможет собрать армию, если эти люди начнут умирать?

Уэсли понимал: сейчас девушка думает не о Саксони, а о своей матери.

«Она уже мертва. Мертвые не в счет. Он создаст для тебя новый мир».

Уэсли поерзал и прижал пальцем запонку. Не сейчас. Он не может позволить призрачной советнице взять верх.

– Этот эликсир сильнее любой другой магии, с которой мы имели дело, – сказал Уэсли. – Но я думаю, большинство людей смогут пережить его воздействие. И кроме того, половина армии – это лучше, чем ничего.

– Значит, Саксони повезло, что она выжила?

Это совсем не то слово, которое выбрал бы Уэсли.

– Я уже говорил с другими смотрящими, – сообщил он. – Мне нужно было узнать, дал ли Эшвуд это зелье и им тоже, чтобы я мог прикинуть, насколько широко оно распространилось. Похоже, пока это происходит только в моем городе.

– И именно это тебя беспокоит, – хмыкнула Тавия. – Твой город. Что произойдет со всей остальной страной, тебя не волнует.

Это не было вопросом.

«Ты не знаешь, на что я готов ради победы», – сказал однажды Уэсли – еще до того, как живущая в его голове девушка стала призраком. Тогда парень имел в виду именно то, что говорил. Но сейчас его уверенность пошатнулась.

Мысль о том, что какому-то человеку действительно придется умереть ради победы Уэсли, не особо омрачала его совесть. Но это было совсем другое. Это *дам*.

– Мне кажется, ты больше не знаешь, что меня волнует, а что нет, – отозвался Уэсли.

– Мне кажется, я больше ничего о тебе не знаю, – парировала Тавия.

Это было честно, однако слова фокусницы от этого не становились менее едкими. Возможно, Уэсли и был ужасным человеком, но он почти не сомневался, что не настолько ужасен, как полагает Тавия.

– Ты прав в том, что хочешь дать отпор Эшвуду, – продолжила она. – Мы не можем позволить ему заразить половину города магической болезнью и использовать выживших как боевых марионеток.

«Бедная маленькая сиротка, – тихо засмеялся призрак в голове Уэсли. – Готова умереть ради ответов».

Уэсли сжал кулаки, встал и застегнул пиджак.

– Ты не пойдешь со мной, – сказал он Тавии. – Я предоставил тебе объяснения, а не предложение работы.

– Эй, постой.

Тавия выпрямилась так, что ее подбородок оказался на одном уровне с грудью Уэсли. Тот кашлянул и попробовал было пройти мимо нее, но Тавия преградила ему дорогу.

– Я не хочу сидеть сложа руки, в то время как люди умирают.

– Это Крейдже, – напомнил ей Уэсли. – Люди здесь постоянно умирают.

«И в основном от твоей руки».

Тавия фыркнула:

– Ты не хуже меня знаешь, каково это – потерять всех родных из-за магической болезни. И если я могу помочь в том, чтобы никто другой не заболел этой дрянью, то я помогу.

Уэсли вздохнул и провел пальцем по шраму на своем запястье. Лишь маленькая частица огромного сувенира родом из детства, о котором он был счастлив забыть. В отличие от Тавии, юноша не скорбел о потере родных.

Уэсли провел в Крейдже всю жизнь. Но прошли годы, прежде чем он начал замечать чудеса своего города. Долгое время от парня была скрыта и магия, и красота Крейдже, пока Уэсли не сбежал из дома и не сделался фокусником. Он родился в Крейдже, а потом родился заново, впервые увидев все волшебство родного места и став частью этого волшебства. Новая жизнь, свобода, приключения.

Уэсли не жалел о том, кем он стал сейчас. Смотрящий не был одержим сомнениями – чего нельзя сказать о Тавии.

В детстве он не знал, что такое любовь или спокойствие. Отец Уэсли достаточно часто предупреждал его об опасностях этого мира, чтобы ощущение безопасности стало опасной ловушкой. Уроки родителя были надежно вписаны в память Уэсли и начертаны на его шкуре. Юноша и за Главой-то пошел в свое время ради того, чтобы доказать: он не лишний хоть где-то – пусть даже и не в своей семье.

А теперь у него не осталось даже семьи, куда можно было бы вернуться и похвастаться своим нынешним положением. Как и сказала Тавия, магическая болезнь отняла все у всех – даже у таких людей, как Уэсли. Хотя иногда парень думал, что, возможно – даже вероятно, – его родные пережили эту болезнь. Не исключено, что он десятки раз встречался с ними на улицах, но они не узнали Уэсли, а он не удосужился даже опустить взгляд, чтобы посмотреть на них.

Быть может, они были рады его исчезновению.

Быть может, они стыдились того, что юноша вообще существовал.

Как бы то ни было, Уэсли не мог разделить боль Тавии.

– Ты добьешься лишь того, что тебя убьют, – сказал он.

– Это Крейдже, – повторила Тавия его слова. – Люди здесь постоянно умирают.

Уэсли сделал шаг назад.

Она вела себя нелепо. У парня был план – общая стратегия и бесчисленные варианты гипотетических действий, при помощи которых удастся низвергнуть Эшвуда. Но хотя Уэсли подготовился к войне и всем ее возможным последствиям, он не был готов к одному – участию Тавии в этом сражении. Пытаясь быть справедливой и хорошей, она добьется лишь собственной гибели. Но если Уэсли оставит ее действовать своими силами, девушка, вероятно, все равно погибнет.

Выигрышного пути не существовало.

Вздохнув, он сказал:

– Если я позволю тебе пойти со мной, ты должна будешь в точности исполнять каждое мое слово. Никаких попыток удрать и самостоятельно поиграть в героиню. И Эшвуда я убью сам.

«Осторожно, – предупредила его призрачная спутница. – Бешеных собак пристреливают».

Уэсли ослабил галстук, который внезапно показался ему слишком тесным.

– А разве нам не понадобится собственная армия, прежде чем мы сможем за это взяться? – спросила Тавия.

– Я прикидывал, каких фокусников можно задействовать, – отозвался Уэсли. – Но нам нужны не только люди, которых можно нанять. Понадобятся бойцы – верные, честные, надежные нужной долей кровожадности.

С лица Тавии пропал малейший намек на улыбку, когда она обдумала слова Уэсли.

Боец, но не фокусник.

Убийца, но не предатель.

Тавия поморщилась.

– Скажи мне, что ты это не серьезно.

– Разве я не серьезен всегда и неизменно?

Она пригладила волосы и тяжело вздохнула.

– Сомневаюсь, что ты сможешь уговорить ее, – сказала девушка. – Карам – человек жесткий и даже грубый.

Уэсли лишь пожал плечами:

– Верность способна завести далеко.

– Кто сказал, что она тебе верна?

– Я говорил не только о себе.

Тавия пристально взглядела в юношу.

– Что ж, – произнесла она так же решительно, как обычно. – Похоже, мы составили хотя бы первоначальный план.

И эти слова означали, что они снова стали единой командой.

Глава 11

Саксони

Саксони покрутила в пальцах четыре бокала и вздохнула при взгляде на помаду, испачкавшую ее кожу. Если девушка еще хоть одну ночь проведет в Кривде, убирая за этими подонками и магобликами, она точно сойдет с ума.

Саксони почти жалела о том, что эликсир не вывел ее из строя еще на пару дней – чтобы она могла немного отдохнуть.

– Бренди, – сказала одна из новеньких официанток, – тебя ждут в кабинете для важных персон.

– Меня, считай, нет, – ответила Саксони. – Скажи им – пусть возвращаются тогда, когда я не буду насквозь потной и измазанной в... – Она обнюхала свои руки. – ...в земляничной помаде.

– Ну, нет, – возразила девушка, убирая упавшие ей на ключицу волосы. – Я им этого не скажу.

Саксони вздохнула и вытерла руки. Потом наклонилась, чтобы снять туфли на высоких каблуках. Их не было видно под подолом ее струящегося зеленого платья – любимого платья Саксони. Девушке нравилось, как оно колыхнется, когда она идет куда-нибудь – словно под ноги стелется ветер, неся ее через Крейдже. И еще это платье было зеленым. Саксони часто носила зеленое – если могла себе позволить. Этот цвет напоминал о доме, о лесах, где она выросла, о поросших плющом деревнях в центре Ришии.

Этот цвет успокаивал девушку, сдерживал ее внутренний огонь.

Саксони согнутым пальцем подцепила туфли за ремешки и босиком направилась к кабинету для важных персон. Она устала и была не в настроении развлекать пьяных посетителей. Если людям хватает наглости ошиваться в заведении после закрытия, то их не смутят и ее босые ноги – не больше, чем саму Саксони.

По сути, она направлялась в обставленную мягкими диванами комнату с твердым намерением заявить гостям о том, что все напитки – какие бы они ни заказали – уже закончились, как и ее терпение. И что уважаемым гостям лучше уйти, если они не хотят увидеть, какой боеспособный персонал предпочитает нанимать Уэсли.

Вот только когда Саксони вошла в кабинет и увидела, кто на самом деле ждет ее, то решила: эти гости не очень хорошо отнесутся к подобному заявлению.

– Вам что, нужен кто-то, способный вас рассудить? – поинтересовалась Саксони.

Угрюмое молчание, которым были встречены эти слова, дало ей понять, в каком направлении двигался разговор.

Карам, скрестив руки на груди, стояла рядом с диваном и делала вид, что находится вовсе не здесь. Девушка шагнула вперед.

Саксони помимо собственной воли улыбнулась.

Наряд Карам по цвету напоминал кровь, расплывающуюся в воде. Это было вполне привычно, однако Саксони не ожидала увидеть с девушкой этих двоих.

Во-первых, в кабинете находилась Тавия. Руки фокусницы закрывали черные перчатки без пальцев. На ногах были новенькие ботинки, которые Саксони сразу же вознамерилась украсть. Кривая улыбка, адресованная всем и никому, выдавала в Тавии фокусницу вернее любого наряда. Девушка возлежала на диване, подбрасывая складной нож словно дубинку. Но еще более необычным показалось Саксони присутствие второго человека. И отнюдь не потому, что после закрытия Уэсли полагалось не сидеть в Кривде, а заниматься своими пакостными делами и портить кому-нибудь жизнь. Однако сейчас на шее у смотрящего был повязан темный

красно-коричневый галстук-бабочка. Это означало, что сегодня нечетный день. А по нечетным дням Уэсли Торнтон Уолкотт бывал странным.

– Бренди, – произнес он с густым, словно сахарный сироп, крейджийским акцентом, – я хотел бы, чтобы ты оказала мне услугу.

Саксони пришлось приложить немало усилий, чтобы не рассмеяться смотрящему в лицо.

Если что-то и можно с уверенностью сказать об Уэсли – так это то, что ему нравится быть вежливым.

Когда Саксони росла в Ришии, *амджа* часто говорила: вежливостью можно добиться чего угодно. «Убивай людей по-доброму», – повторяла она. Саксони подозревала, что Уэсли поднаторел в этом: вежливо, без грубости убивать людей. Быть может, он даже говорил «пожалуйста» и «простите меня», когда выполнял грязную работу для Главы.

– Почему ты называешь ее Бренди? – спросила Тавия.

– Это ее кривдинское имя, – пояснил Уэсли. – Чтобы посетители не знали настоящего имени. Большинство моих работников носят прозвища, разве ты не обращала на это внимания?

Тавия повернула голову и посмотрела на Саксони, приоткрыв рот.

– Ты никогда не говорила мне, что у тебя есть кривдинское имя. И что здесь тебя зовут Бренди. – Она сморщила нос.

– Я рад лишь, что она не назвалась «Кровавой Мэри», – сказал Уэсли. – Это испортило бы весь бизнес.

– И вообще, как ты себя чувствуешь? – спросила Тавия. Она изо всех сил старалась не смотреть на полускрытую волосами отметину на шее Саксони, а значит, вообще избегала взглядов в сторону подруги.

Саксони поправила свой воротник.

– А что, я так плохо выгляжу?

– Не хуже обычного.

– Хорошо. Но я все еще чувствую себя так, словно по мне прокатился поезд, если тебя это так волнует.

– Ну а я все еще чувствую себя так, будто по мне шарахнули кучей злобной магии, – парировала Тавия. Она, конечно же, шутила. Однако на душе у Саксони все равно было погано. – Не смотри так мрачно, – продолжила Тавия. – Поскольку я в ответ неплохо тебя приложила и оставила миротражникам. Мы в расчете.

Саксони ухмыльнулась, даже не пытаясь скрыть эту гримасу.

– Так ради чего мы собрались здесь этим странным дружеским кругом?

– Мы с Уэсли хотим, чтобы ты и Карам помогли нам убрать Главу, – заявила Тавия. – И дуайенна Шульце дает нам добро на это.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.